КРОКОДИЛ

— Это мы не проходили,
это нам не задавали...

Рисунок В. ЧИЖИКОВА

М. ВИЛЕНСКИЙ

ОПЕРАЦИЯ „ГЛЕЙВИЦ-70" И ДР.

— Мне нужен предлог, господа,— сказал хозяин большого кабинета.— Мы цивилизованные люди, господа, и потому не можем просто так, с бухты-барахты, ни за что ни про что, вдруг возобновить массированные бомбардировки суверенного государства. Я имею в виду Северный Вьетнам, господа. Не сочтите меня розовым либеральным интеллигентом, но, увы, цивилизованному человеку всегда нужен предлог, чтобы стукнуть по голове другого цивилизованного человека. Иначе как-то просто неудобно, недостойно и вообще... Какие будут предложения? Ну, живее, живее, господа! Чему вас там учили в ваших гарвардах? Попробуйте припомнить опыт великих предшественников.

Яйцеголовые советники взгромоздили ноги на полированный стол и уставились в потолок. Над полированным столом нависла тишина, прослоенная сигаретным дымом.

— Есть! — изрек один из советников и от возбуждения даже поставил ноги на пол.— Предлагаю повторить операцию «Глейвиц».

— Поясните.

— Дело было в августе тысяча девятьсот, как сейчас помню, тридцать девятого года. Адольфу, извините за выражение, Гитлеру...

— Ничего, ничего, продолжайте.

— ...Адольфу Гитлеру тоже был нужен предлог — для нападения на Польшу. Проницательный взор мистера Генриха Гиммлера упал на немецкий город Глейвиц, расположенный близ самой что ни на есть германо-польской границы. В городишке была радиостанция, и мистер Гиммлер с присущей ему богатой художественной фантазией решил разыграть «нападение польской роты» на упомянутую немецкую радиостанцию. Эсэсовский полковник Альфред Наужокс оперативно раздобыл сто пятьдесят польских военных мундиров и напялил их на говорящих по-польски немецких солдат. Но этого, естественно, было мало. Для придания картине «боя» за радиостанцию вящей достоверности желательны были, как вы сами понимаете, солдатские трупы. Посему начальнику глейвицкого гестапо Мюллеру поручили: а) отобрать в тюрьме несколько десятков осужденных преступников, б) переодеть их в польскую форму, в) отравить ядом, г) щедро изрешетить трупы пулями и д) живописно разбросать их на подступах к радиостанции. Маскарад удался на славу. Служака Мюллер не пожалел отравы и не поскупился на свинец. Ребятки Альфреда Наужокса тоже не подкачали. Они «захватили» радиостанцию и обратились к населению на польском языке, поливая Германию нехорошими словами. Так цивилизованный человек мистер Гитлер получил желанный предлог и 1 сентября 1939 года напал на Польшу.

— М-да, история увлекательная и весьма поучительная к тому же. Остается выяснить, сможем ли мы разыграть в сегодняшних условиях операцию «Глейвиц-70».

— С легкостью, сэр. Наши маленькие сайгонские друзья Ки и Тхиеу, надеюсь, не откажутся ненадолго обрядиться в северовьетнамские мундиры. Засим они высадятся в Нью-Йорке, захватят радиостанцию «Нэшнл бродкастинг корпорейшн» и прочтут перед микрофоном наиболее подрывные кусочки из «Коммунистического манифеста».

— Но трупы, черт возьми, потребны трупы... Кого же мы отравим?

— Что значит кого? Разве у нас мало осужденных преступников? Возьмем, скажем, убийцу сенатора Роберта Кеннеди, убийцу Мартина Лютера Кинга...

— Вы предлагаете их отравить?! Таких людей! Гордость, можно сказать, нации!.. Никогда. Мне нужны другие трупы, то есть, я хотел сказать, другие методы.

— В таком случае, сэр, давайте объявим, что вьетнамцы нарушили свою торжественную клятву не сбивать наши самолеты-разведчики.

— Рискованная идея,— сказал не в меру осторожный юридический советник.— Что мы станем делать, если какой-нибудь настырный буквоед попросит нас предъявить бумагу с вьетнамской клятвой?

— Я полагаю, никто не просил немецких солдат, переодетых в польские мундиры, предъявить их польские метрики,— сухо заметил хозяин кабинета.— Сильному мир верит на слово. Итак, предлог есть. Приказываю возобновить массированные бомбежки территории ДРВ.

— Кстати, сэр,— встрял военный советник.— наши мальчики стали побаиваться летать на север. Слишком много наших пилотов в плену у коммунистов.

— Вы правы, генерал. Приказываю освободить из лагерей для военнопленных несколько десятков наших пилотов.

— Извините, сэр, но вы пока еще не можете приказать северным вьетнамцам сделать то или это.

— Вы меня не поняли. Я приказываю доблестным диверсионным частям американской армии освободить наших пленных летчиков и вернуть их на родину. Ну-ка, поскребите в памяти и попробуйте припомнить опыт великих предшественников.

— Есть! Предлагаю провести операцию «Отто Скорцени».

— Подробнее, пожалуйста.

— Извольте, сэр. Такое не забывается. В ночь на 26 июля тысяча девятьсот, как сейчас помню, сорок третьего года фюреру вручили телеграмму об аресте Муссолини. Итальянский король Виктор Эммануил и маршал Бадольо сочли за благо убрать дуче со сцены. Фюрер, однако, полагал, что толстопузая пешка еще может пригодиться в эндшпиле. «Найти, освободить и доставить!» — приказал Гитлер. «Будет исполнено, мой фюрер!» — рявкнул в ответ двухметровый детина в эсэсовском мундире. Его наглую рожу от уха до подбородка пересекал шрам. Это был гауптштурмфюрер Отто Скорцени — начальник отдела диверсий эсэсовской разведки. И вот спустя полтора месяца, а если быть точным, двенадцатого сентября, над хорошо запрятанным в горах отелем «Кампо императоре» невесть откуда появились планеры. Арестованный дуче, уныло глазевший из отельного окошка на пик Монте-Корве, с трудом приладил на место свою отвисшую от изумления тяжкую челюсть. Из планеров выскочили солдаты с пулеметами. Впереди, размахивая пистолетом, несся двухметровый детина. «Ударами приклада я пробиваю себе дорогу сквозь компактную массу итальянцев, в то время как мои люди продолжают кричать: «Мани ин альто»,— так писал позже в своих мемуарах Скорцени. «Мани ин альто» соответствует нашему «Хендс ап», сэр. Итальянские охранники охотно подняли свои мани, за одним исключением — начальник охраны арестованного дуче полковник Гели молниеносным движением протянул правую руку к шкафу, схватил бутылку вина и... налил себе и Скорцени по бокальчику. Пока они чокались, освобожденного Муссолини уже несли к самолету. В тот же день на истребителе «Хейнкель-111» дуче был доставлен в Берлин к фюреру. Нужно ли добавлять, что Скорцени получил пригоршню наград за похищение Муссолини?

— Браво, браво, весьма поучительная опять-таки история. Лишний раз убеждаешься, как важно знать историю. Отлично. Приказываю провести операцию «Скорцени-70».

— Слушаюсь, сэр,— сказал военный советник.— Единственное, что меня смущает, так это невоспитанность коммунистов. Их лагерная охрана наверняка не отличается итальянской галантностью. Комендант лагеря вряд ли согласится распить с нашими парнями бутылочку рисовой водки. Ну, ничего, ребята захватят свое виски...

ТРИ ПРИМЕЧАНИЯ

1. 21 ноября 1970 г. ВВС США возобновили разбойничьи налеты на густонаселенные пункты Демократической Республики Вьетнам.

2. «Утром 21 ноября 1970 г. тяжелый вертолет ВВС США с маскировочной окраской пролетел в предрассветной темноте на высоте бреющего полета и, совершив аварийную посадку, высадил 52-летнего Симмонса и его передовой отряд — в составе примерно 50 персонально отобранных «зеленых беретов» — в самом центре территории лагеря для военнопленных в Шонтае. Действуя на земле, Симмонс и его люди прокладывали себе путь через помещения лагеря с помощью ацетиленовых резаков, пил и устройств для взлома замков. Однако там не оказалось никаких военнопленных... Накануне их перевели в другое место» (газета «Вашингтон пост»).

3. 20 ноября 1970 г. исполнилось 25 лет со дня начала Нюрнбергского процесса.

С. КОМИССАРЕНКО

ЖМОТ

В преддверии какого-нибудь важного события в жизни сотрудника составляется у нас в отделе список, и начинают собирать... Нет, нет, не деньги, это пройденный этап. У нас собирают идеи! Одному как раз для отчета требуется, другому — в солидную монографию, третьему — просто для повышения по службе.

Как-то сборщик обходил сотрудников с очередным списком: собирали на диссертацию заместителю начальника отдела.

— Идея!

— Идея!

— Пять идей!

— А я пас,— говорит младший научный сотрудник Канарейкин и протягивает рубль.

— Это как же понимать? — спрашивает сборщик.

— А так: нету при себе ничего другого...

— Да ты бы подумал, прежде чем отказываться! — авторитетно произносит сборщик.— Я могу подождать до завтрашнего утра. Утро вечера мудренее.

Утром Канарейкин приносит три рубля.

— Это что, окончательно? — спрашивает сборщик.

— Минуточку, — говорит Канарейкин и достает из карманов еще мелочь.

— А может, действительно нет у него ничего другого? — произносит старший научный сотрудник Булкин и затем тихо добавляет: — Безыдейный он... Точно!

Кто-то отзывает Канарейкина в сторону:

— Хочешь, мы одолжим тебе идею? Но с возвратом!

— До получки?

— Можно и до получки... Словом, отдашь, когда появится вдохновение!

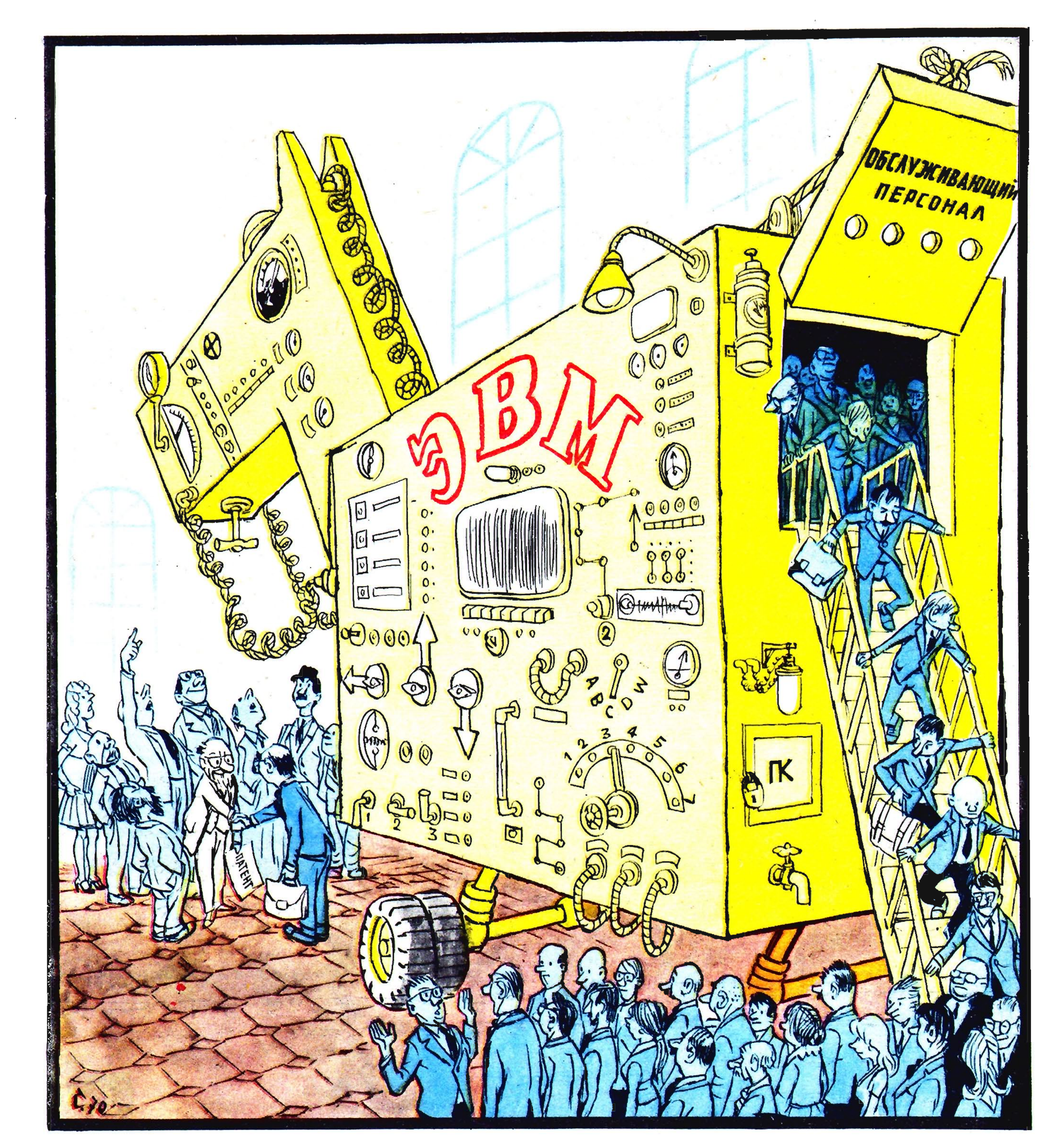
Но, подумав, Канарейкин от кредита отказывается. А если, говорит, не появится?..

Наступает молчание.

— Это что ж получиться может? — взволнованно произносит сборщик.—Завтра, допустим, директору защищаться, а у сотрудников нету идей! Одни рубли...

— Да что пристали к человеку? — вмешивается редактор нашей стенгазеты «За самоотдачу в работе!». После чего отзывает сборщика в сторону и вносит за Канарейкина свою идею...

А в следующий раз я за Канарейкина внес, потом Агния Петровна (из кассы взаимопомощи), потом даже сам сборщик... В конце концов надоело всем. Видно, и он это понял, поскольку вскоре после женитьбы уволился. А спустя полгода узнаем: на новом месте Канарейкин защитил диссертацию! Выходит, были у него идеи! Просто оказался жмотом...

Троянский конь.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

А. КАРАСЕВ,
С. РЕВЗИН

В СРЕДНЕМ

Есть в одном солидном тресте,
О котором наш рассказ,
Стенд на самом видном месте,
А на стенде есть приказ.
А в приказе тьма фамилий...
Широта! Размах! Разбег!
Благодарность получили
Сто шестнадцать человек.
Непонятно! Нелогично!
Неужели среди них,
Кроме лучших и отличных,
Нету средних и плохих!
Подойти к оценке строже
Должен был директор. Но
Сам себе сказал: «Положим,
Всех подряд хвалить негоже,
Но во многих трестах тоже
Хвалят всех подряд, дай боже,
Так оно заведено».
И пришло решенье разом:
Чтоб особо не мудрить,
Взять и всех одним приказом
В среднем поблагодарить.
Если «в среднем»
брать за принцип,
Возникает ряд задач:

Скажем, как тогда в больнице
Поступать обязан врач!
В среднем всем
давать микстуру,
Ставить градусники всем
И считать температуру
В среднем 36 и 7!
Иль такой пример: старушка
Век бездетною была,
Ну, а родственница Нюшка
Сразу двойню родила.
Что же это означает!
В девяносто восемь лет

Вдруг старушка получает
В среднем право на декрет!
И не в шутку, а всерьез
Появляется вопрос:
«Я — талант, а он бездарность.
Я прилежен, он лентяй.
Мне выносят благодарность,
Он — со мною получай!
Благодарность в среднем всем —
Провались она совсем!»
Ничего не скажешь — метко!
Поневоле вспомнишь тут,
Что и премии нередко
Тоже в среднем выдают.
Ни привета, ни почета:
— Вот, Петров, тебе, кажись,
Причитается чего-то...
На, держи и распишись.
И, согласно выраженью
«Что посеешь, то пожнешь»,
У Петрова уваженья
К награжденьям — ни на грош.
Как бороться с хворью вредной
Без лекарств и докторов!
Очень просто: надо средних
Убирать директоров!

МИМОХОДОМ

Что стоит химикам изобрести такую лакмусовую бумагу, которая бы краснела в атмосфере подлости?

Опирался на факты так осторожно, словно боялся их раздавить.

Молчание — дутое золото.

Даже электрифицированный семейный очаг иногда чадит.

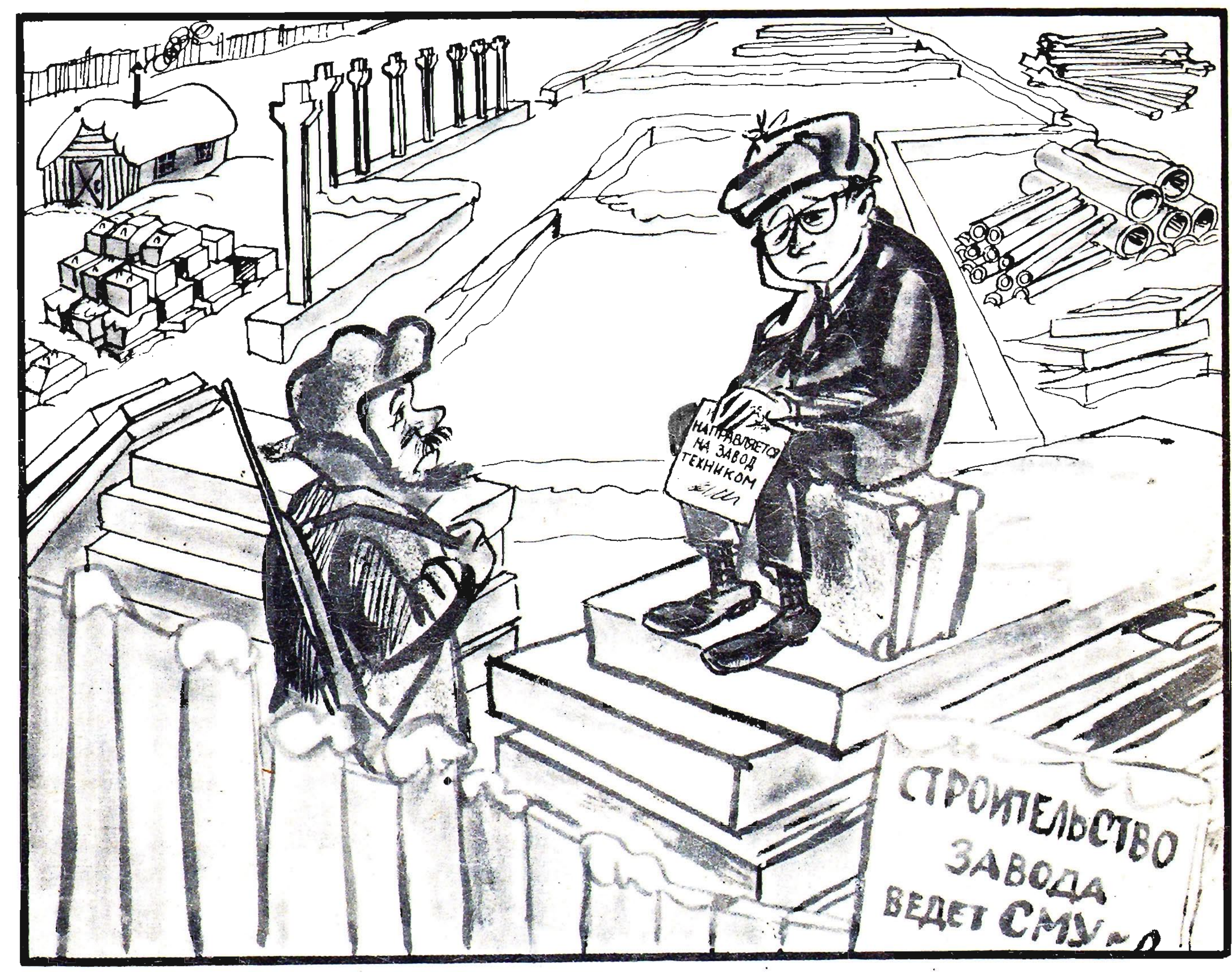
Подчас и маленьким людям ставят памятники: на вырост.

Ученый дурак опасен тем, что его глупость могут унаследовать ученики.

Когда к власти приходят оптимисты, пессимисты начинают понимать, что их пессимизм был вполне обоснованным.

Люди, которые спят на работе, выйдя на пенсию, начинают страдать бессонницей.

Л. НЕФЕДЬЕВ

— А вы как сюда попали?
— По распределению.

Рисунок Б. САВКОВА

ЧЕЛОВЕК НА ДОРОГЕ

С. РЫЖАК

Водитель рейсового автобуса Красноуфимск — Ачит — Уфимский — Карги Владимир Фефелов еще издали увидел на обочине дороги женщину, лежащую у ног мужчины.

Женщина стонала и корчилась от боли, а ее муж, Жихарев, рассказал Фефелову, что с женой стало плохо в поле, где они косили траву. С трудом он вынес ее на дорогу. «Беда, беда,— твердил он,— в больницу надо». Больница находилась в поселке Уфимский, в обратном направлении. Водитель бросился к автобусу:

— Товарищи пассажиры, несчастье тут... Надо машину освободить...

— Надо, надо...— заговорили пассажиры, быстро выходя из автобуса и выбрасывая свои пожитки.— Один ты умный, а другие ровно не понимают... Ну-ко, посторонись маленько! — И несколько женщин подняли больную, бережно внесли ее в пустой автобус и стали устраивать на неудобных сиденьях.

Фефелов развернул машину, а тридцать пассажиров остались на дороге в ожидании оказии.

Дорога была плохая. Пустой автобус трясло, каждый толчок причинял больной новые мучения. «Эх, легковую бы встретить»,— подумал Фефелов, и тут же, как в сказке, из-за поворота выбежал «ГАЗ-69». В машине ехали директор Уфимского стекольного завода Громков и его жена — главный врач участковой больницы. Это было счастье. «Газик» остановили.

— В больницу?! — удивился Громков.— Вы что, братцы! Мы ж по грибы едем, да и больная, слава богу, не на телеге, вот и везите, на чем везете. Людей только беспокоите.

И жена его, не выходя из машины, согласно кивала головой.

Так и разминулись.

Владимир Фефелов не вел — плыл. Пальцы на баранке белые. Лицо — одни желваки. Довез Надежду Михайловну живой.

Медицинская сестра осмотрела больную и охнула: нужна срочная операция. Стала звонить в больницу поселка Ачит, чтобы оттуда прислали «Скорую». «А ваша дежурная машина где?» — спросили ачитцы.

— Громковы на ней уехали,— ответила сестра.

Ачитцы помолчали, потом ответили:

— Высылаем.

«Скорая» пришла через час. Но и тут не повезло: не доехали с километр до районной больницы, как спустил баллон. Подхватили мученицу на носилки и бегом прямо в операционную.

Спасли.

И вот теперь мы читаем письмо Михаила Ивановича Жихарева о добрых людях, которые помогли ему спасти жену. Только Громковых он понять не может. «Как они могут после этого смотреть людям в глаза?»

Негодование Жихарева, конечно, можно понять, но попытаемся спокойно разобраться в случившемся.

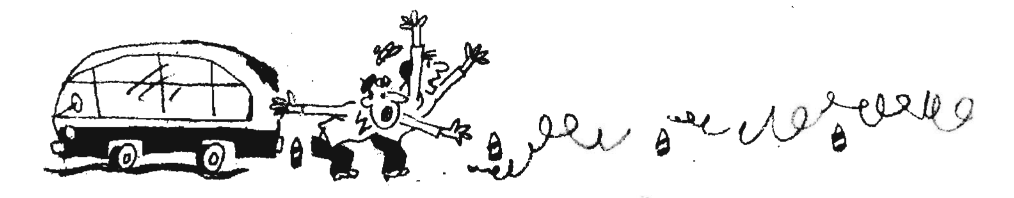
Во-первых, не следует забывать, что машину Громков все-таки остановил и уехал только тогда, когда узнал, в чем дело. Во-вторых, Рюрик Павлович Громков с женой ехали отдыхать, а это — право каждого гражданина.

Теперь о Валентине Михайловне Громковой. Конечно, как врач, она могла бы оказать больной помощь. Но больных принимают в кабинете, а она была в машине да еще на пыльной дороге. Гигиенично ли осматривать больных в таких условиях? Далее, для обследования больных нужны инструменты, а у нее даже градусника не было с собой — ведь люди ехали по грибы, которые в отличие от больных не бывают круглый год. Но самое главное, конечно, что на Громковой не было белоснежного халата — какое уж тут врачевание!

Некоторые могут спросить: «А клятва Гиппократа?»

Но, может быть, доктор Громкова вовсе ее и не давала? Или же в тот клятвенный день что у нее в институте не было? Не исключено также, что у нее с Гиппократом есть какие-нибудь принципиальные расхождения. Между врачами это бывает.

Видите, как все сложно в жизни... Да, между прочим, интересно, много ли грибов собрали в тот день Громковы?

В. ОРЛОВ

Чайник и песенка

Он изобретал чайники для заварки.

Если вы думаете, читатель, что изобретать можно только ракеты или колеса для вечного двигателя, вы глубоко и принципиально ошибаетесь.

Изобретают спинки для стульев и оправы для очков. Изобретают хозяйственные сумки и ручки для плоскогубцев. И правильно делают. И мы благодарны им, изобретателям. Ибо человечество находится в непрерывном движении вперед, а вместе с ним беспрерывно совершенствуются и видоизменяются ручки, спинки и сумки.

А чайники для заварки — это вообще дело особое. Они должны удовлетворять тысяче требований и еще одному. Быть практичными и эстетичными, их формы должны ласкать глаз и напоминать одновременно отдыхающую русалку и готовящийся к взлету «Ту-144». И главное — поглядев на них, люди должны полюбить их раз и навсегда. Сделать членами семей. И говорить по вечерам:

— А не испить ли нам чайку из нашего лапушки?

— Пожалуй. Налей-ка, мать, из моего друга любимого...

Словом, Федя изобретал чайники.

И вдруг он написал песенку.

Песенка была свежа, как глоток морозного воздуха в июле, и необыкновенна, как чайка зимой. Словом, это была почти гениальная песенка.

Сначала ее запели все его коллеги по фарфорово-фаянсовому Ка Бэ, включая замдиректора по хозчасти. Потом ее передали по местному радио. Потом она получила премию на конкурсе в Москве.

И тогда он написал вторую песенку.

Обмывать вторую песенку пришел к нему друг. Друг раньше изобретал целлулоидных крокодилов, а ныне стал довольно известным кинолюбителем, собиравшимся перейти в профессионалы.

— Ну и куда думаешь ее продавать? — спросил друг, когда выпили по второй — за песенку.

— Как продавать? Сама полетит...— ответил творец песенки высокопарным слогом, объяснявшимся отчасти тем, что оба от восторга не закусывали.

— Сама... Федя, ты наивняк и дилетант. Куда она полетит без твоей помощи?

— Как куда? Куда хочет! — Федя широко раскинул руки, сбив «Грушевый напиток».

— Толкать надо,— помрачнел друг.

— Кого толкать?

— Песенку.

— Как толкать?

— С умом.

— Ничего не понимаю... Ну, вот я изобретаю хороший чайник. Худсовет его принимает. Опытные образцы расхваливают в фирменном магазине. Значит — успех, значит — поток, значит — сотни и тысячи экземпляров! — Федя снова раскинул руки, сбив второй «Грушевый напиток». «Грушевого напитка» в этом доме не жалели.

— Чайник, чайник... Сам ты чайник! То, понимаешь, фарфор-фаянс, а то — сфера искусства. В ней, брат, существуют свои законы...

И мрачный друг облокотился о стол, незаметно смахнув третью и последнюю бутылку «Грушевого напитка».

Наутро сосредоточенный Федя в бабочке появился в редакции местного радио.

— Как собираетесь оформлять мое произведение? — мрачно спросил он у юной редакторши.

— Как это оформлять? Прекрасная песенка! Пусть летит...— ответила редакторша.

— Не пойдет,— отрезал Федя.— Расскажите обо мне. Краткая биография. Замыслы. Мечты и чаяния. Вот.

— Мечты и чаяния... Как это красиво! А что, пожалуй, это идея! — засветилась редакторша.

— Чего это...— Федя вонзил в нее подозрительный глаз.— Вы так просто соглашаетесь?

— А что? Передадим вашу биографию, расскажем о ваших замыслах — слушатели будут только благодарны!

— Ну, ну...— сказал Федя и на всякий случай пригласил редакторшу в ресторан.

В ресторан редакторша не пошла — коньяк она не пила, а котлеты готовила дома сама, и гораздо лучше.

Помня заветы друга-кинодокументалиста, Федя написал в Москву, в журнал, ведавший песенками, и потребовал своего творческого портрета. В журнале удивились, но портрет дали вместе с третьей, присланной Федей песенкой. Песенка была еще краше прежних двух.

Постепенно Федины песенки завоевывали эфир и даже телевидение. Федя не дремал. Он потребовал, чтобы каждую песенку на телевидении предварял кратким текстом он сам, в бабочке и под гримом — как того требуют законы таинственного искусства телевидения. На телевидении удивились, но разрешили.

Осечка произошла, когда Федя потребовал заграничного турне с четырьмя написанными песенками. Турне Феде не дали. Федя усилил натиск. Он снова написал в журнал, ведавший песенками, и потребовал второго творческого портрета. Ему вежливо ответили, что о нем рассказывали полгода назад. Тогда Федя написал в соседний журнал, ведавший общемузыкальной культурой. Он написал, что в первом журнале сидят ретрограды и завистники, что они установили своеобразный табель о рангах и пробиться молодому и талантливому там — ну, совсем невозможно. Редакторы двух журналов были друзья и ссориться не стали — они резались только по принципиальным вопросам, запивая свою резню по вечерам «боржоми» с молочком.

Федя озверел и написал в вышестоящее учреждение. В вышестоящем учреждении его принял пожилой задумчивый дяденька. Он долго отечески рассматривал кипящего Федю.

Федя рассказал о своем творческом пути, не упустив дальнейших замыслов и чаяний. Он рассказал, что в двух журналах сидят завистники, которые только и ждут, что их напоят подорожавшим коньяком. Что люди, не отправившие Федю в турне, не наши люди, и, видимо, они, как не наши люди, в какой-то мере причастны к тому, что недавно в Индийском океане ураганом снесло пару островов...

— Песенки-то ваши передают? — участливым тоном перебил его добрый дяденька.

— Передают-то передают, но...

— Что но?

Федя осекся. Он хотел было рассказать о заветах своего друга-кинодокументалиста. О том, что неважно, что написать,— важно, как продать. О том, что важна слава при жизни! О многом, многом другом. Но обстановка в комнате была спокойная, умиротворяющая, глаза у дяденьки были какие-то пронзительно соболезнующие, и Федя растерянно замолчал.

— Вы чем раньше занимались? — ласково спросил дяденька.

— Чайники изобретал. Для заварки.

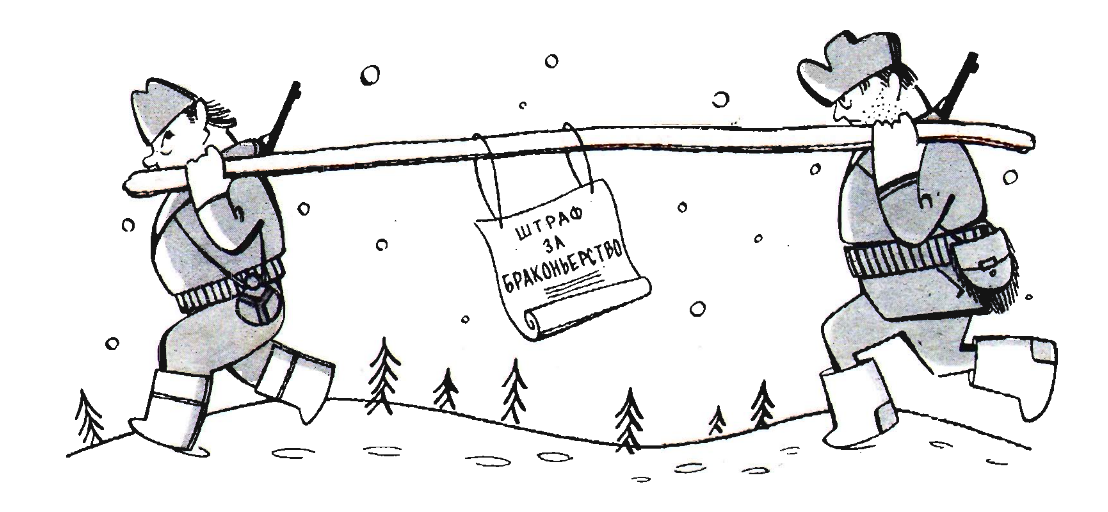
— Ох, хорошая работа! Добрая работа. У меня дома есть один — лапушка! Не ваше ли изобретение?

Наутро Федя написал бумагу на доброго дяденьку. Он обвинил его в непонимании основных законов творчества, а также в том, что тот советовал ему, молодому, растущему таланту, вернуться — подумать только! — обратно к чайникам для заварки.

На бумагу пришла бумага. Федя написал бумагу на эту бумагу. И пошло...

Песенок он больше не пишет. Он пишет бумаги.

Иногда к нему приходит друг-кинематографист, пьет «Грушевый напиток» и называет Федю непризнанным гением.

Не с пустыми руками...

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

КТО ВЫ, ТОВАРИЩ ИКС?

Привет с воздуха

Петя, привет тебе с воздуха. Лечу в Сочи, пишу письмо, чтоб развлечься. Ты, Петя, спрашиваешь, как я живу. Я живу хорошо. Главное, Петя,— это не выпускать из головы ту стержневую линию, которой я решил придерживаться с того момента, как ощутил свою индивидуальность. Ты извини, что я так сложно выражаюсь, я сейчас в отпуск лечу, в Сочи.

Я, Петя, знаю, как жить. Жить надо правильно. А многие этого не понимают. Вот сосед у меня через лестницу: уважаемый человек, большой ученый, был за границей, привез кошку.

Давай откровенно: зачем ему кошка? Он мне бы сказал, я бы ему десяток натаскал. Ну, редкой она породы. Но кошка ведь не собака. Собака вещи может сторожить. Нет, я, конечно, животных тоже люблю, но не до такой степени, чтоб их из-за рубежа вывозить. Кстати, не знаешь средство, а то я напрягаюсь, у меня волос стал выпадать. Если знаешь, напиши подробно.

В Москве, Петя, семь миллионов народа. И за каждым углом, может быть, мое счастье. Иду по улице, смотрю — девушка. Красивая девушка. Иду следом. Подходим к остановке троллейбуса. Быстро соображаю: маршрут в новый район, 30 минут езды, столько же обратно, итого — час. Не пойдет!

Может быть, это и не мое счастье? Может, мое счастье за другим углом?

И вообще, Петя, в вопросах любви я человек свободный. Есть у меня знакомая скульпторша. Броская женщина. В мастерской у нее заблудиться можно: кругом постаменты. Но что обидно: давно с ней знакомы, с месяц будет, а ни разу не предложила портрет мой слепить. Чувствуется между нами какая-то некоммуникабельность. Мне тебе это трудно сейчас объяснить, турбины воют, мешают, надо напрягаться. Кстати, не знаешь средство, а то я напрягаюсь, у меня волос стал выпадать. Если знаешь, напиши подробно.

Так вот об искусстве. Откровенно говоря, Петя, мне на ее искусство наплевать, так как трепета в душе никакого не ощущаю.

Другое дело — литература, да такая, чтоб между строчек рецепт был записан, как достигнуть полного благополучия.

Хотя откровенно — некогда читать. Благополучием озабочен. Жениться хочу, а без благополучия — не любовь, а одна междоусобица.

А я скандалов терпеть не могу. К примеру, зайдешь в булочную за бубликами, спрашиваешь, мягкий хлеб или жесткий. Говорят: вилкой попробуйте. Так она же острая! Она тигра проткнет!

Мну пальцами, мак весь обсыпался. Кричат: а что, если все руками начнут хватать? Я в скандал не вступаю: мне напрягаться вредно.

Я сейчас, Петя, в отпуск лечу, в Сочи.

Кстати, не знаешь средство, а то я напрягаюсь, у меня волос стал выпадать. Если знаешь, напиши подробно в Сочи до востребования.

«САМОЛЕТ»

Пустяки и мелочи

Иногда большое и серьезное дело может сорваться буквально из-за пустяка. Из-за какой-нибудь незначительной мелочи.

Например, история не сохранила имени воина, который собирался победить ныне широко известного Александра Македонского. Это должно было случиться в битве у одной речушки. Сейчас она уже высохла, и название ее стерлось из памяти человечества. Предполагалось, что после этой победы Македонский будет совершенно забыт, а имя молодого воина прочно войдет во все учебники истории.

Но произошел мелкий непредвиденный случай. Засорились песочные часы, которые этот воин поставил около своей походной кровати, чтобы не проспать начало выдающегося сражения.

Воин благополучно проспал до самого вечера: время от времени он открывал правый глаз и видел, что больше половины песка все еще находится в верхней половине склянки. А когда сообразил, в чем дело, вскочил с кровати, оделся, умылся, почистил сапоги и зубы, было уже поздно. Александр Македонский победил и занял его место в истории.

И мы так и не знаем, как звали того, несомненно, выдающегося молодого человека. А Македонского знают все.

Или другой пример. Не такой, может быть, значительный, но тоже достаточно обидный. Мой друг Василий Дымов собрался получить солидную премию, приобрести путевку и поехать на юг, чтобы поохотиться под водой. Но вместо этого получил выговор. Из-за пустяка: не окончил работу к сроку, о котором он в мечтах об отпуске, честно говоря, забыл.

Со мной недавно тоже произошел довольно неприятный случай.

Я включился в движение за улучшение качества товаров. Включился горячо. С воодушевлением пошел на это дело. Решил подойти к проблеме не по-казенному, а с использованием элементов фантазии.

Заказал я через отдел снабжения полтонны сливок. Все удивились: зачем они мне? Я, мол, и так неплохо выгляжу.

— Нечего зубоскалить,— ответил я.— Раз прошу, значит, надо.

Получил сливки и вылил их в чан. Все полтонны. Даже не попробовал. Потом прихожу в отдел контроля и говорю:

— Вот и я! Можете меня на руках носить! Обнимать! Принес вам лучший в мире клей. Клей со сливками!

Все, кто стоял, сели. А кто сидел, встали. Такое потрясающее впечатление произвел я своим сообщением.

— Такого клея мир не видел,— похвалили меня.

— А как себестоимость? — заинтересовал кого-то этот пустяк.

О такой мелочи я и не подумал. И, как потом выяснилось, зря.

Сегодня иду устраиваться на новую работу.

«УЗЕЛКОВ»

Опередившие время

Токарь-скоростник Коля дал сорок годовых норм и оказался в начале XXI века.

На другой день, проснувшись, он протянул свою мускулистую руку и не обнаружил рядом единственной супруги. Лежал ее еще тепленький пеньюарчик, как змеиная кожа, выглядывали из-под стула чулки, а сама будто сквозь землю провалилась.

— Ау! Маша! — позвал супруг.

Он долго ждал ответа, и наконец ответ пришел. Тихий, будто с другой планеты.

— Ау! Коля!

— Ты где?

— Я здесь, милый, рядом.

Коля пошарил рукой, но супруги не было. И тогда он понял, что она застряла где-то в двадцатом веке. И не мудрено: она не училась в вечерней школе, не росла над собой, засмотрела до дыр телевизор.

Жена женой, а рекорды звали. Коля оделся, побрился и убежал на фабрику претворять мечту в жизнь.

— Ты потише, Коля, потише, не отрывайся от жизни,— говорил ему дядя Степа, мастер высокой квалификации. Но Коля к концу смены ушел еще дальше — аж к середине XXI века.

— Эва, куда махнул! — сказал он самому себе, вытирая руки.

В XXI веке Коля уже был избран председателем месткома, здесь же, в XX, старый председатель Матвеевич обидно не подавал ему руки при встрече, видимо, даже не подозревал, что придет время, когда его забаллотируют. В будущей эпохе Коля уже распределял жилье, а здесь его подняли на смех, когда он предложил дать семнадцатилетней крановщице Зине четырехкомнатную со всеми удобствами квартиру. Они же ведь не знали, что потом у счастливой Зинки родится тройня!

Вот так остался Коля совсем один: без коллектива, без друзей-соратников, без супружеской ласки. И какова же была радость Коли, когда его догнал во времени штамповщик Гладких с соседнего предприятия, скромный, незаметный человек своей профессии, внедривший какое-то удивительное изобретение!

Встреча была приятной, хотя и короткой.

— Ну, как дела? — спросил Коля.

— Да вот, премию дали. А у тебя все в норме?

Коля тяжело вздохнул.

— Что, трудно, брат, идти впереди прогресса? — участливо спросил Гладких.

— Ох, трудно,— признался Коля.

Не успели они закурить по «Беломору», как Гладких исчез. Ушел вперед.

— Догоняй! — раздался его голос из последней трети XXI века.

«ВИКТОРИЯ»

Г. РЫКЛИН

Рассказ

СТРАДАНИЯ ОДНОФАМИЛЬЦА

Фамилия моя Козлов. А зовут Игнат Ильич.

Прошу запомнить и не путать. Повторяю: Козлов Игнат Ильич.

Несколько месяцев назад Игнат Ильич Козлов, то есть я, захворал. Собственно говоря, я не целиком захворал, а занемог у меня лишь один палец на левой ноге.

Врачи определили: болезнь легкая. Но все же на всякий случай решили подвергнуть обследованию весь организм. А для этой цели надо положить на некоторое время в больницу Игната Ильича Козлова, то есть меня.

Больница у нас великолепная, грех жаловаться. Врачи один другого краше. Положили меня в светлую, просторную палату номер один. Там было еще три человека, а я четвертый. Полный порядок. Можно «забивать козла».

А рядом, в соседнюю палату номер два, положили другого Козлова, Илью Игнатьевича. Я обыкновенный Козлов, а он номенклатурный Козлов. Очень симпатичный товарищ.

У номенклатурного какая-то болезнь, имеющая латинское наименование. На него сразу накинулись врачи и прочий медперсонал.

Но и меня не обошли вниманием, хотя у меня не было никакой латыни. В тот же день раза три измерили температуру. Потом меня всего обклеили свирепыми горчичниками. Крепко жгло, но я мужественно переносил страдания.

Затем, извините за выражение, угостили клизмой, а я с детства терпеть не могу этого мероприятия. Но раз врачи велят, то приходится пострадать ради медицины.

Одного я не понимал: болит у меня палец на ноге, а при чем тут желудок? Но я не роптал: врачам, думаю, виднее.

А перед сном мне сделали два укола в одно и то же место, я страдал от боли, раза два вскрикнул, но сердечно поблагодарил сестру за то, что она не сделала мне третьего укола.

Легли спать. Утром рано приходит главный врач. Очень серьезный мужчина. Осмотрел меня, выслушал и вдруг не своим голосом закричал:

— Сестра, что вы наделали?!

Оказывается, она спутала меня с моим однофамильцем, с Козловым Ильей Игнатьевичем, а я Козлов Игнат Ильич.

Оказывается, мне не надо было мерить температуру. Не надо было ставить горчичники. Не надо было забавлять клизмой. Не надо было делать уколы.

Все это полагалось тому Козлову, номенклатурному. Я за него страдал.

Но главный врач меня очень сердечно успокоил:

— Извините, пожалуйста. Это, конечно, большое безобразие. Виновные понесут наказание. Но ничего страшного. Ничего вредного вам не сделали. Все это в итоге пойдет вам на пользу, Илья Игнатьевич.

— Я не Илья Игнатьевич, а Игнат Ильич! — вскричал я.

— Тем более,— сказал он, мило улыбаясь.— Еще раз извините.

А больница все же великолепная. И врачи один другого краше. И медицинские сестры приятные. Но, конечно, бывают нежелательные промахи.

А вчера я узнал, что номенклатурный Козлов тоже выздоровел, хотя лечили меня, а не его.

РАЦПРЕДЛОЖЕНИЕ КРОКОДИЛА.

А что, если применить технику?

Рисунок И. СЫЧЕВА

Расо БАСИР

ИНВАЛИД

В собес приплелся квелый инвалид —
Спина дугой, кряхтит, едва стоит...

К нему инспектор придвигает стул,
Спешит его взбодрить и обласкать:
— Хоть вас недуг безжалостный согнул,
Но ведь по паспорту
вам только сорок пять!
Курорт, леченье и посильный труд
Ваш позвоночник живо разогнут!

Вздыхает безнадежно инвалид
И, в пол уставясь, сумрачно молчит...

Тут виноват не возраст и не стаж —
Согнул его дугой...
подхалимаж.

Перевел с таджикского В. АЛЕКСАНДРОВ

Игорь ТАРАБУКИН

МИНИАТЮРЫ

ДЛЯ УБЕДИТЕЛЬНОСТИ

В решеньи смысла
маловато,
Не видно логики
в словах...
И привели тогда цитату.
В кавычках, словно
в кандалах.

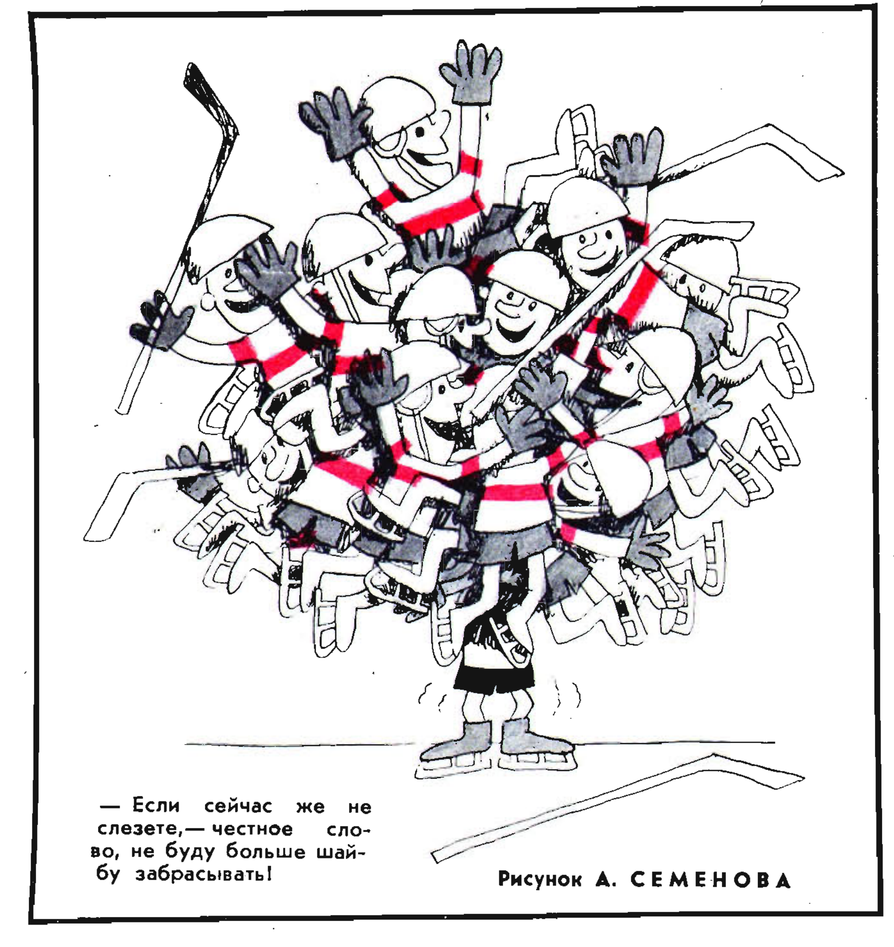
ЭПИТАФИЯ

Он скромным был зайцем,
добрейшим «косым»,
Свой след оборвал на проселке...
Мы память о нем навсегда
сохраним!
Группа товарищей (волки).

ПЕРЕМИРИЕ

Устали жены.
Стихли ссоры.
И у железных гаражей
Уже идут переговоры
На высшем уровне —
мужей!

г. Свердловск.

— Если сейчас же не слезете,— честное слово, не буду больше шайбу забрасывать!

Рисунок А. СЕМЕНОВА

ЛУЖНЫЙ ГОРОД

Вот загадочные фото —
Разберись, читатель, тут:
То ли бывшее болото,
То ли речка, то ли пруд!
На красу такую глядя,
Будешь просто без ума
От зеркальной водной глади,
Отражающей дома!

Не пройти б начальству мимо —
Запустить сюда малька
И ловить потом налима,
И линя, и судака.

С превеликим увлеченьем,
Без особого труда
Развернуть грязелеченье,
Если грязь, конечно, та.

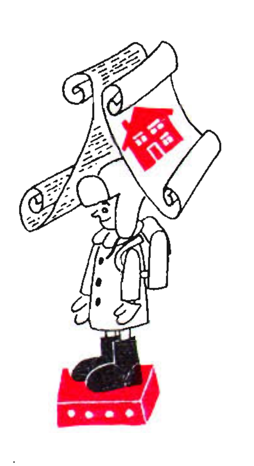
А пройдет зима — и к лету
Для больших и для детей
Оживить картину эту
Парой черных лебедей!

Мих. РАСКАТОВ

НА СНИМКАХ ЧИТАТЕЛЯ И. СТРУЛЕВА — ПЕЙЗАЖИ ГОРОДА ИЗЯСЛАВА, ХМЕЛЬНИЦКОЙ ОБЛАСТИ.

КОМУ ВИДНЕЕ?

Четыре года все собираются построить интернат при нашей школе. Регулярно называют сроки строительства. Иногда — сжатые, иногда — не очень, но все-таки сроки.

В прошлом году, например, на районном совещании учителей мы узнали, что уже заложен фундамент школы. Заведующий районо сказала об этом в своем докладе.

В этом году начальник Верещагинской строительной колонны заявил через районную газету, что фундамент заложат в августе. А Министерство просвещения РСФСР на наш запрос ответило, что в августе (так им сообщил Пермский облоно) интернат вообще уже будет построен.

А мы — странное дело! — ни малейших признаков строительства почему-то не замечаем.

Ф. ЯКОВЛЕВ, учитель
с. Бородулино, Пермской области

ГДЕ ВЗЯТЬ ОТХОДЫ?

Планирование — наука серьезная. Овладеть ею дело непростое.

Но только не для М. М. Соломенского, заместителя генерального директора Ленинградского производственного объединения металлофурнитурных предприятий. Над составлением планов он долго не ломает голову. А результаты бывают ошеломительны.

Это подтверждает и председатель группы народного контроля Петродворцового завода «Металлист» Г. Д. Шкромада:

— Наш завод по фондам получает в год 22 тонны латунного проката. Но по плану, подписанному тов. Соломенским, мы должны сдать «Вторцветмету» 54,5 тонны одних отходов! Поэтому нам приходится теперь менять профиль производства: переключаемся на поиски недостающих латунных отходов.

Но, видно, уж очень затянул поиски «Металлист». И «Вторцветмет» оштрафовал за это завод на 1 462 рубля.

Что ж, правильно. Нет отходов — сдавай латунь звонкой монетой.

Б. САВЕЛЬЕВ

ВИЛЫ В БОК!

САМОХОДЫ-САМОЛЕТЫ

Неизвестно, есть ли среди работников Красноярского отделения Восточно-Сибирской железной дороги поэты, но ассоциативное мышление им явно не чуждо. Скажем, пришла заявка на перевозку холодильников. Холодильники, холодильники... С чем они ассоциируются? И дали под перевозку холодильников «Бирюса» вагоны-ледники.

— Помилуйте,— ахнули на Красноярском машиностроительном заводе, где выпускают «Бирюсу»,— на что такая роскошь? Лучше дайте побольше крытых вагонов.

— И вы еще хнычете? Вместо запланированных шестисот дали вам восемьсот, и все мало. Вот люди!

— Но ведь в крытый вагон влезает 140 холодильников, а в ледник — от силы 60. Куда девать остальные? Холодильники ведь самоходом не пойдут.

— А это уж не наше дело. Мы приставлены грузы возить, а не самоходные холодильники изобретать.

Вот и глядят красноярцы в окошко на застрявшие в родном дворе холодильники. И подсчитывают, сколько придется заплатить торговым организациям за недопоставку 4 897 холодильников в августе и 9 317 — в сентябре».

Узнав о беде красноярцев, ткачи ковровой фабрики в Новой Майне (Ульяновская область) тоже пригорюнились:

— А нам каково? Куйбышевские железнодорожники за 5 месяцев недодали 804 контейнера. На полтора миллиона рублей скопилось неотправленных ковров. Все помещения забили. Видимо, придется переключиться на изготовление ковров-самолетов.

Ну, у этих-то, может, и получится. Ведь ковры-самолеты, кажется, уже были?

А. ПЯТКОВСКАЯ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Не знаю, как ты, а я не могу прожить без музыки ни секунды. Утреннюю зарядку я делаю под «Турецкий марш» Моцарта, умываюсь под «А у нас во дворе» Островского, завтракаю под «Реквием» того же Моцарта, до самого обеда, не переставая, слушаю Чайковского, Мясковского, Кабалевского, Мусоргского, Богословского, Гершвина... За обедом рядом со мной Кристалинская, Бакланова, Магомаев, Суржиков...

С обеда до ужина подпеваю «Подмосковные вечера», арию Бони из «Сильвы», потом слушаю Георга Отса, потом Карузо и Левко... За ужином гремит вечно молодое танго «Брызги шампанского», а после ужина со мной до часа ночи задушевно разговаривает Клавдия Шульженко. С часа ночи и до утра я мысленно марширую под военные марши в исполнении образцово-показательного военного оркестра...

Зарядку я делаю под неизменный «Турецкий марш». Словом, с тех пор, как в нашем жилом доме по улице Селезнева, 1, поселилась студия звукозаписи, жить стало куда музыкальнее! Особенно с тех пор, когда студия, дабы выполнить план, стала работать и по ночам...

Л. ЛАЗАРЕНКО
г. Краснодар.

ГОЛОВОЛОМКИ

Купил житель Новосибирска Л. А. Борзов пресс для выжимки сока из овощей и фруктов, изготовленный в городе Золотоноша, что на Украине, в Черкасской области. Нет, мы не можем сказать, что этот пресс не хочет выдавливать сок из морковки, а требует только винограда. Или что вместо сока он выдает машинное масло. Но вот что сказано в правилах пользования этой машинкой:

«Поставить пресс на стол и отвести рычаг с давителем в Золотоношский завод металлоизделий».

Мы уже сказали, что тов. Борзов живет в Новосибирске. Ему несподручно отвести рычаг в город Золотоношу, за четыре тысячи километров.

А вот другой гражданин, В. Е. Васильев из города Вязьмы, приобрел мужскую сорочку с маркой «Рязшвейтрест». И растерялся, прочитав приложенную к сорочке памятку:

«СТИРАТЬ сорочки рекомендуется в растворе порошка «Новость» или мыльной пене. Загрязненные места хорошо потереть грязной щеткой».

Памятка изготовлена тиражом в несколько тысяч. Ровно столько же человек ломают над ней головы.

У грозненца В. Н. Кривolапова с сорочкой получилась другая петрушка. На красивом атласном талончике, пришитом к ней изнутри, перечисляется, из чего это изделие сфабриковано. Так вот, Грозненское швейно - производственное объединение умудрилось изготовить рубашку по такой рецептуре:

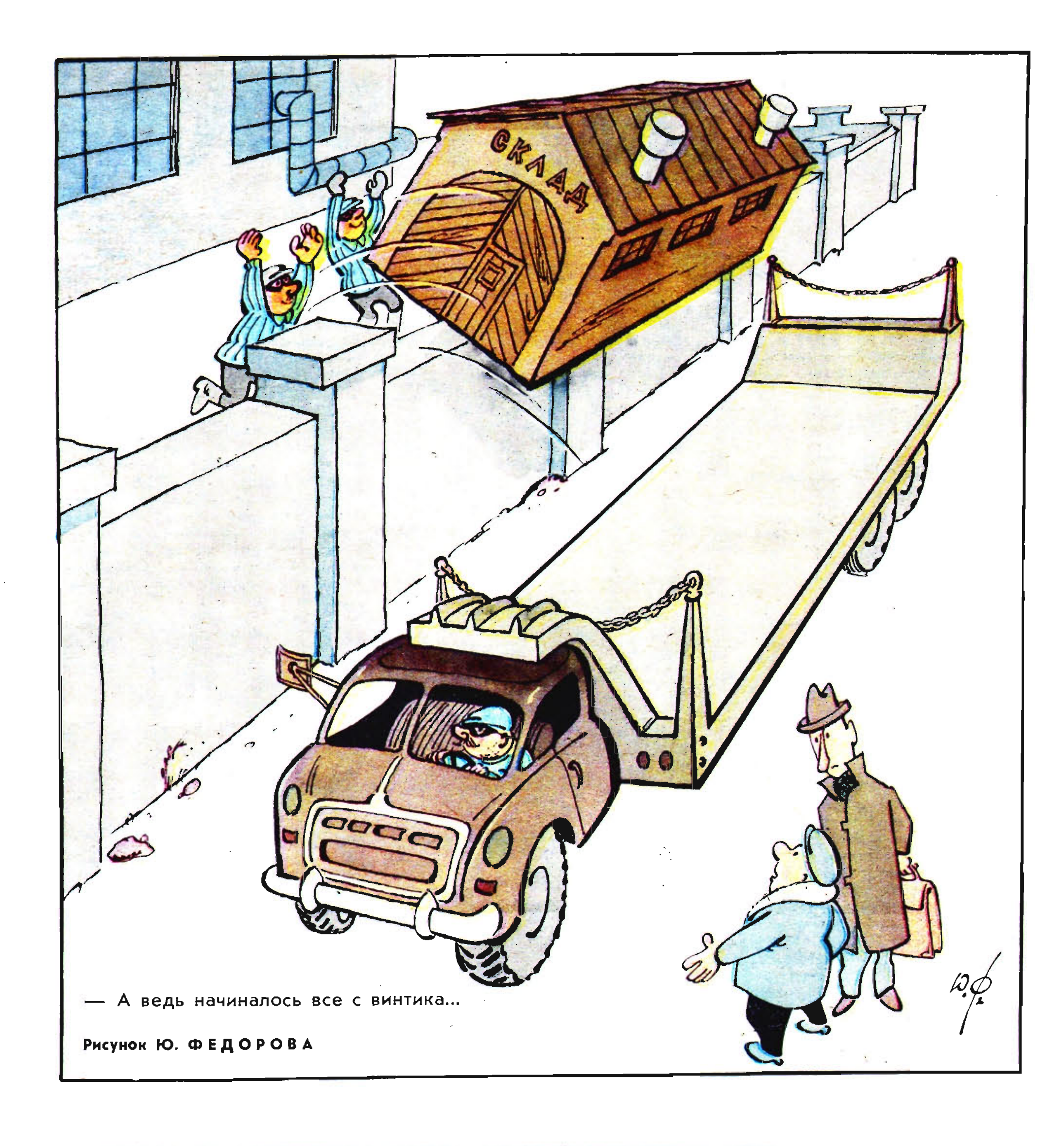
«Терилен — 60 процентов
Лавсан — 60 процентов
Шерсть — 60 процентов».

Итого получается 180 процентов. Не многовато ли?

Мы не знаем авторов этих инструкций и рецептов. Но, кажется, раньше они подвизались в роли составителей ребусов и загадок.

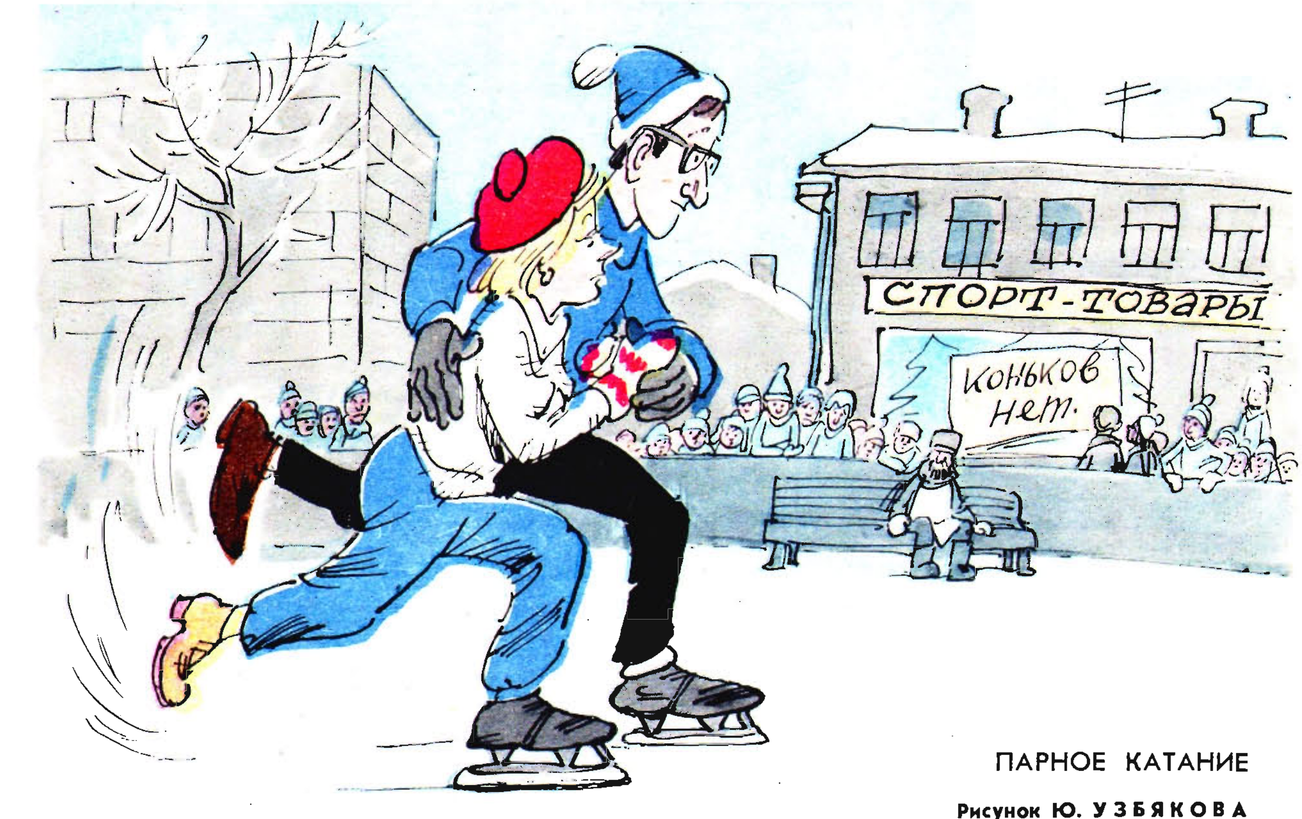
И там им цены не было!

Е. Ц.

— А ведь начиналось все с винтика...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

ПАРНОЕ КАТАНИЕ

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Вл. МИТИН

(Исследование о шоферах)

Все люди обязательно делятся как-нибудь: на охотников и охотинспекторов, поджигателей и пожарных, кинокритиков и детей до шестнадцати... Продолжать можно всю жизнь, ибо каждый подвид также делит своих противников по категориям.

Шоферы такси различают нешоферов такси по степени зловредности:

«ШЛЯПА». Существо мнительное, пустое, в очках. Не знает точного адреса, забывает в машине старые вещи, путает полтинник с рублем.

«ПИДЖАК». Раздражающе хорошо знает правила движения, законы царя Хаммурапи, права человека и гражданина... В жилетном кармане — милицейский свисток, купленный в магазине «Природа».

«ОЛЕНЬ». Самый нахальный! Едет в подпитии, называет водителя «мастер», машет ручищами и загрязняет экипаж пеплом.

«ЖИЛА». Вслух считает дни до получки. Выбирая мелочь из портмоне, сопит и подрагивает ногой. Уронив копейку, омерзительно долго ищет ее в пепле, хватает вас за валенки, требует возжечь свет, спичку, сострадание.

Автор данного исследования некогда написал трактат «Эй, такси!», где обещал передвигаться пешком. С тех пор автор не исправился и даже приобрел черты всех вышеописанных категорий. В свою очередь, он также делит таксистов на группы, но просит не рассматривать это как акт личной мести.

«ВОКЗАЛЬЩИК»

Куда бы вы ни ехали, он обязательно привозит вас к Киевскому вокзалу и выталкивает у очереди, изнывающей в самом темном закутке площади.

Утверждают, что одному «вокзальщику» в порядке эксперимента завязали глаза, нажимали за него на педали, дергали рычаги, но через десять часов все равно оказались на... Московском вокзале в Ленинграде!

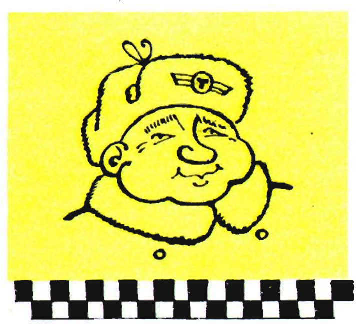
Подъехав к Савеловскому, «вокзальщик» становится поодаль и ждет. Наконец, подчиняясь только одному ему известному велению времени, он кидается на застывшую от ужаса очередь, вырывает из нее двух бабок с баулами, ясельное дитя, закутанное башлыком крест-накрест, старца в чугунных калошах и увозит их навсегда...

Ни за какие коврижки не повезет он вас в идиллическое Коньково-Деревлево (метро в конце следующего года) или Мневники... Певуче крича: «К трем вокзалам! А также на Курский, Р-рижский, Па-вилец-цкий, пра-шу!»,— он минует вас, покуда вы, трепеща от гражданского гнева, мокнете в очереди, длинной, как три пересадки до Тушина. Нет счастья в жизни: почему живете вы в тихом Матвеевском, а не прямо посреди Комсомольской площади, шумной, как Птичий рынок?..

«ГОВОРУН»

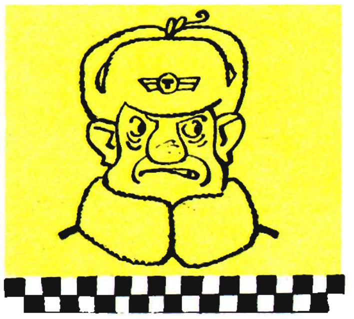
— Здрасьте! Доброго здоровьичка... Пепельницу у меня недавно украли. Да. Тоже такой клиент сел: скромный, в очках. В шляпе, конечно. Хи-хи... Вам на Удальцовую? Это мы мигом, все в нашей власти... Тут, между прочим, говорили, снега больше не будет. Как не будет? А так. Экспортировать его будут в Бухару... «С чиво на-чинаицца рооодина»... Что вы сказали? Ничего? Я и говорю: «Зубило» в этим сезоне — нигде; Брабантского от их сманили в «Долото»... Папиросочки не найдется? Мерси. С фильтром не курю. Чего, уже? Наше вам... Постой, сдачу-то не взял!.. Одно слово — шляпа!

«ДОМОСЕД»

На лице у него пригоршнями блаженство... Вот, сейчас всех отвезу — и домой. Щетки «дворников» ползают у него медленно-медленно, смазывая со стекол его же слезы умиления. Мотор его машины самый ужасный и разбитый во всем парке.

Вообще же он незлобив, готов везти хоть в Троице-Сергиево, хоть в Красноярск, ибо уж оттуда поедет к милым детям и женушке. Путешествовать с ним — горе, божье наказание. То и дело в радиаторе выкипает вода, и вы, кроша лед именинным мокасином, черпаете для него слякоть из лужи худым чайником, брякающим в багажнике. Потом кончается бензин, а его очередь у колонки всегда последняя. За три версты от цели весь его дредноут рассыпается на отдельные запчасти, и он выходит из обломков, сжимая баранку, с просветленной улыбкой: теперь-то наверняка домой!

«ЗЛЫДЕНЬ»

Обижен еще в отрочестве на весь род людской, поэтому поступает в таксопарк с единственной целью — мстить нам. Нацепив на стекла транспарант «Заказная», он нарочно подъезжает к очереди и долго, упиваясь, выслушивает мольбы и стенания пассажиров. Выждав, когда к дверным ручкам прилепится максимальное количество пальцев, он делает рывок и, садистически сверкнув фарами, уносится в неизвестность...

Целые сутки колесит он по городу, беся и гипнотизируя пешеходов своим наглым зеленым глазом. Это он всегда — «кончил работу», это он — «только в парк». Словом, худший из всех.

«ШЕФ»

Он плечист, мужествен и свиреп. Как правило, в прошлом «шеф» — автогонщик или возил командующего, а двигатель в его машине — от реактивного лайнера. Мрачно усадив вас на сиденье, он примеривается, отъезжает назад, подает вперед, опять назад, и... прощайтесь с родными и близкими! Снаряд его летит быстрее звука, красный свет ярит «шефа», как быка, а через ползущие впереди машины он просто перелетает. На короткие расстояния не везет принципиально. Сдачу дает с главбуховской точностью, и еще долго стоите вы с противной дрожью в коленях, тогда как комета «шефа» уже стартовала в Мытищи или к Серпухову...

«ХОЗЯИН»

Нет ничего милее! Он обязательный уроженец Красной Пресни или площади Ногина, в его автомобиле всегда тепло; если надо, развлечет разговором, а не надо, почувствовав, промолчит.

«Хозяин» строг, но справедлив; будь вы хоть сам великий географ Семенов-Тян-Шанский, а кратчайший маршрут он всегда знает лучше вашего... Неодобрителен к мини-юбкам и «шейкам», но снисходителен к ошибкам молодости и не третирует, а учит «этих мальчишек...».

Машина «Хозяина» — маленький, уютный отель, бегущий себе на справных колесах по нашим широтам и меридианам. В нем непременно приспособлена «Спидола», автоматически включающаяся при первых позывных Великого Футбола. Пепельницу не стибрила бы у «Хозяина» даже сама Сонька Золотая ручка, а при поездке с роженицей этот экипаж превращается в ковчег, парящий над коммунхозовскими ухабами...

* * *

Написав все это, я отправился в редакцию. Первый же остановившийся по моему знаку водитель спросил:

— На Курский?

Засим я отверг предложения водителя, спевшего мне в окошко «Очи черныя», и бедняги, ковылявшего на трех колесах есть щи. Пять «злыдней» заманивали меня на проезжую часть, и даже «говорун», торопясь, не подсадил меня к «шляпе».

Наконец подъехал «Хозяин». Он артистически поставил автомобиль так, чтобы не забрызгать мои брюки, сам включил «печку» и сам же замолчал, ожидая начала разговора. Но я молчал и думал...

Славный «Хозяин»! Это ты привозишь «шляпам» посеянные зонтики. Это в твоем авто смиряется «олень», а закон Джоуля — Ленца ты знаешь не хуже любого «пиджака». И даже «жила» выходит из твоего чистого, всегда ладного экипажа, сияя: весь путь прошел в утверждающей беседе о сберкассах и супе из концентратов...

Будем все-таки, товарищи, ездить в такси!

НЕ ДОЛГОНЬКО ЛИ ЖДАТЬ?

«Вы думаете, это очень лестно — иметь в ведомственном распоряжении дачу Шаляпина?» — такой риторический вопрос ставился в фельетоне «Демон и харчо» («Крокодил» № 3, 1970 г.). И отвечалось: нет, не лестно, а, напротив, очень даже хлопотно. Администрация кисловодского санатория имени Семашко, который принадлежит 4-му Главному управлению Министерства здравоохранения УССР, подтвердит вам это.

И верно, десятки людей проникают на территорию санатория, где расположена дача, чтобы лично взглянуть на стены, помнящие голос Шаляпина. Такое любопытство отрицательно сказывается на аппетите персонала санатория, поскольку в бывшей даче великого певца расположена служебная столовая, а помещение бывшей спальни загружено вениками и коллекцией стоптанных ботинок.

А между тем общественность города уже несколько лет воюет за создание музея, который заодно стал бы своеобразным домом встреч творческой интеллигенции. Местные энтузиасты уже собрали более десяти тысяч экспонатов — история города тесно связана с ведущими представителями русской культуры: Рахманинов, балерина Анна Павлова, Собинов, Качалов, Комиссаржевская, Станиславский... Но разместить экспонаты негде. Идеальным же помещением для такого музея могла бы стать бывшая дача Шаляпина.

После выступления «Крокодила» председатель исполкома Кисловодского горсовета тов. М. Уваров обратился с письмом к начальнику 4-го Главного управления Министерства здравоохранения УССР тов. И. Шалковскому с просьбой рассмотреть давно назревший вопрос о передаче памятного домика городу. Эту же просьбу поддерживает в своем письме редакции газеты «Кавказская здравница» председатель Центрального совета по управлению курортами профсоюзов тов. И. Козлов. Он пишет о том, что организация музея в помещении бывшей дачи Шаляпина «будет способствовать повышению уровня культурно-массового обслуживания трудящихся», а сам музей станет «методическим центром по эстетической пропаганде для культработников, библиотекарей, участников художественной самодеятельности».

Однако со времени выступления «Крокодила» минуло немало времени, а мемориальное здание по-прежнему используется как служебная столовая и полуслужебный склад. Итак, все осталось по-старому. Впрочем, не все. Тов. Шалковский наконец-то сообщил кисловодчанам обнадеживающую новость. Через несколько лет, когда будет построено новое здание санатория имени Семашко, «предусматривается отчуждение уголка этой территории вместе с домиком».

Не долгонько ли ждать, пока хранилище изношенных вещей трансформируется в хранилище уникальных экспонатов?

— Не мешайте работать, теперь у нас Никитин — передовик!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ОКРУЖЕННЫЙ...

Пришла пора, и тепла захотелось особенно и в самом широком смысле. Возраст такой наступил — пенсионный. Душевного тепла захотелось да и вообще беззаботно погреться, тем более что зима надвигалась.

В 1968 году она надвигалась, и было это в поселке Красная Поляна, Кировской области. А пенсионер Харлампий Федорович Штин там был.

Так что пошел Штин в домостроительный комбинат и спросил, а нельзя ли его квартиру подключить как-нибудь к центральному отоплению.

— В принципе-то можно,— сказали домостроители.— Как только такая возможность появится.

Совсем недолго дожидался Штин такой возможности. Смотрит, а к его дому траншею копают и уж трубы в нее кладут, и очень своевременно.

Умилился он по-стариковски и пошел «спасибо» говорить.

— Не за что,— ответили ему домостроители.— Это для товарища Никитина отопление.

— Ну да,— подтвердил Штин.— Все равно. Дом у нас двухквартирный: с одной стороны — Никитин, с другой — я.

— В том-то и дело, что с другой,— объяснили домостроители.— Никитин в **принципе не** просто Никитин. Он плюс к этому наш главбух. А с вами повременить придется чуточку.

Чуточку повременили. Видит Штин из окошка, опять экскаватор улицу ковыряет. Опять траншеи, опять в них трубы закапывают, и опять ему от этого в принципе ни тепло, ни холодно.

Оказалось, это частные дома Любимцева, Соловьева и Родыгина теплофицируют за их заслуги перед домостроителями, потому что Любимцев — бывший начальник цеха этого комбината, Соловьев — начальник отдела снабжения, а Родыгин и вовсе шурин директора.

Учел Штин это обстоятельство и не стал бестолково горячиться. Подождал. Но потом пришел-таки на комбинат со словами упрека.

— Слишком уж вы тянете! — сказал.

Ему ответили:

— Не слишком и не тянем еще. Завтра только будем тянуть «нитку» трубопровода к дому Сметанина.

— Сметанина?! — осторожно обрадовался Штин.— Это как раз мой сосед!

— Не только,— уточнили домостроители.— И не столько он ваш сосед, сколько наш председатель завкома.

Теплофицировали и Сметанина. А Штина до сих пор — нет.

Вот такие-то вот соседи окружают пенсионера Штина.

И хотя он так неудачно вписывается в эту компанию, зато он теперь может сказать, что его наконец-то окружили теплом. Потому что в принципе это довольно теплая компания.

П. МАШКИН

А. ПИВОВАРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

ВЕСЕЛЫЙ ПЕРЕСТУК КОЛЕС

Иногда душа требует чего-то особенного. Ну, скажем, выйти к железнодорожной насыпи и галантно помахать ручкой знакомому машинисту-тяжеловеснику дяде Пете. Требует, так требует. И я уж поднял было руку для приветствия, но тут же засунул ее поглубже в карман. Уж больно весело, показалось мне, стучат колеса тяжеловесного товарняка. Настолько весело, что захотелось предварительно убедиться — а не пустые ли вагоны?

В ближайшем пункте назначения — городе Топки — директор местного гортопсбыта Д. Я. Умнов, расписавшись в получении восьми вагонов топлива, пожаловался мне:

— В восьми вагонах не хватает около семидесяти пяти тонн угля. Я же отпускаю горожанам с точностью до килограмма. Где взять недостающее топливо? Собственной шахты у меня нет...

А весело протарахтевшие мимо нас вагоны уже разгружались в совхозах «Еремеевский», Полтавского района, Омской области, и имени Молодогвардейцев, Возвышенского района, Северо-Казахстанской области. В первом совхозе недосчитались семнадцати с половиной тонн угля, во втором — сорока трех.

— Видимо, уголек не взвешивают, а отправляют чохом,— подумал я вслух.

— Точно, не взвешиваем,— подтвердил Н. И. Котляров, главный инженер кузбасской шахты «Северная», которая надула всех вышеназванных клиентов.— Вес мы определяем по обмеру. Есть у нас расчетная таблица. Получается даже точнее, чем на весах.

— А почему же недодача?

Николай Иванович укоризненно посмотрел на меня, а потом спросил с плохо скрываемым подвохом:

— Вы вообще стояли когда-нибудь на перроне?

— Стоял,— откровенно признался я.

— Так вот, когда идет товарняк, то на перроне не ветер, а настоящий циклон. Уголек, значит, и разлетается во все стороны...

Дней пять я восторгался эрудицией и логикой Котлярова, пока не встретил главного инженера кемеровского мясокомбината И. З. Аронова.

— Надули вас с циклоном,— предупредил он меня.— Наше предприятие в полукилометре от шахты. А недавно мы недополучили в трех вагонах сорок семь тонн. Не то что циклон или другая злобствующая стихия — даже бригада грузчиков не успела бы выбросить столько угля.

На этот раз я не пошел на шахту «Северная» к Котлярову, а отправился к менее эрудированным грузчикам. Не верилось, чтобы они бегали по вагонам с рулеткой в руках.

— Правда,— спрашиваю,— что вы, измеряя кубатуру, забираетесь в каждый вагон?

— Да мы что, тарзаны, что ли? — заобижался один из них.

— Дело не в нас и не в обмеривании,— принялся объяснять мне другой.— Грузим мы уголь смешанный, из разных пластов. Удельный вес его тоже неодинаковый. Так что объем тут ни при чем. Весы бы нам! — мечтательно закончил он.

А между тем для руководителей шахт весы — это вовсе не мечта. На Березово-Бирюлинской центрально-обогатительной фабрике они есть. Но стрелка показывает, допустим, пятьдесят восемь тонн, а в товарной накладной пишут шестьдесят пять.

Весы, оказывается, есть и на шахте «Северная». Шесть с половиной тысяч рублей ухлопали на них. Абсолютно новые весы. Так они под открытым небом около трех лет и валяются. Сами знаете: дождь, снег, химреакции...

— Как вы относитесь к подобным фактам и заодно к недобросовестным грузоотправителям? — поинтересовался я у заместителя начальника грузового отдела Тайгинского отделения дороги Г. И. Проскурина.

— Сурово относимся,— не кривя душой, признался он.

— А какие меры предпринимаете?

— Систематически заостряем вопросы на этой проблеме, увещеваем особо зарвавшихся, а совсем, я бы сказал, бессовестных штрафуем. Один рубль за недогруженную тонну.

— Как часто штрафуете?

Наступило молчание.

Хотелось выслушать кого-нибудь более откровенного. И я отправился к А. Е. Гусеву, начальнику конторы «Кузбассуглесбыт».

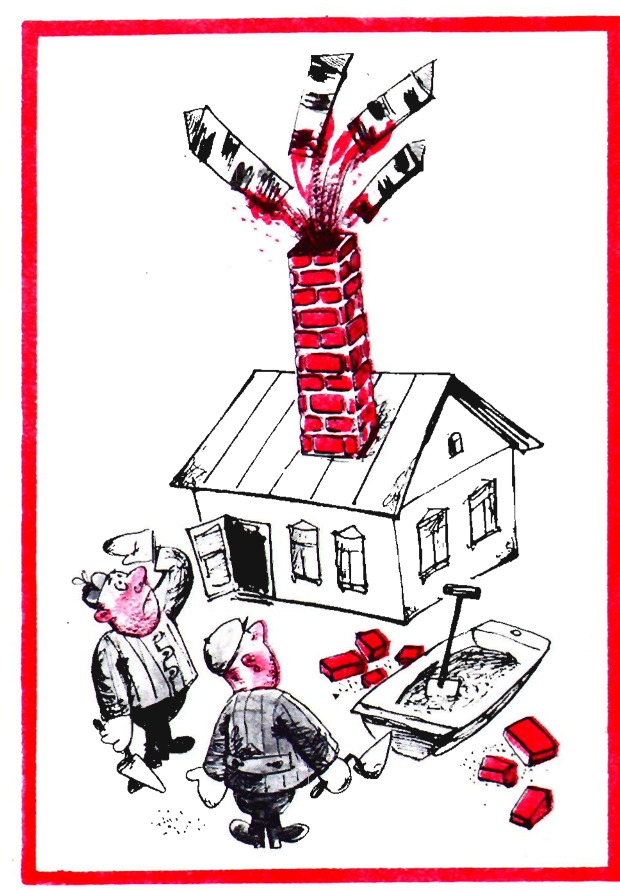
— Не только шахта «Северная» и центрально-обогатительная фабрика отправляют уголь по принципу «Веришь не веришь»,— сказал он.— Да и железной дороге невыгодно иметь дело с весами. Если уголь не взвешен, она отвечает только за количество доставленных вагонов. А что внутри — не важно. Пусть там вместо угля хоть товарная накладная валяется.

— Ну, а какая выгода угольщикам недогружать вагоны?

— Очень даже большая. Недогруженные тонны вошли в план добычи. За них на шахтах и в трестах получили зарплату, а кое-где и премии. Когда поступили рекламации, липовые тонны скостили. А из зарплаты дивиденды высчитывать — нет такого закона. Нет обычая возвращать и премию. Да и рекламации пишут лишь безгранично отчаявшиеся, которых уж очень беспардонно обжулили. Большинство же грузополучателей — люди опытные, тертые калачи. Они знают: требовать недополученные тонны — дело гиблое. Чтобы только один акт составить на недогруз вагонов, надо собрать массу подписей. Пока соберешь, железная дорога тебя же оштрафует за простой вагонов! Дешевле списать у себя на складе.

...Теперь, когда я слышу веселый перестук колес полупорожних кузбасских составов, мне не хочется махать им вслед.

г. Кемерово.

— Эх, слишком сильную тягу в печке сделали!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Вы на зайцев?
— А вы на волков?

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

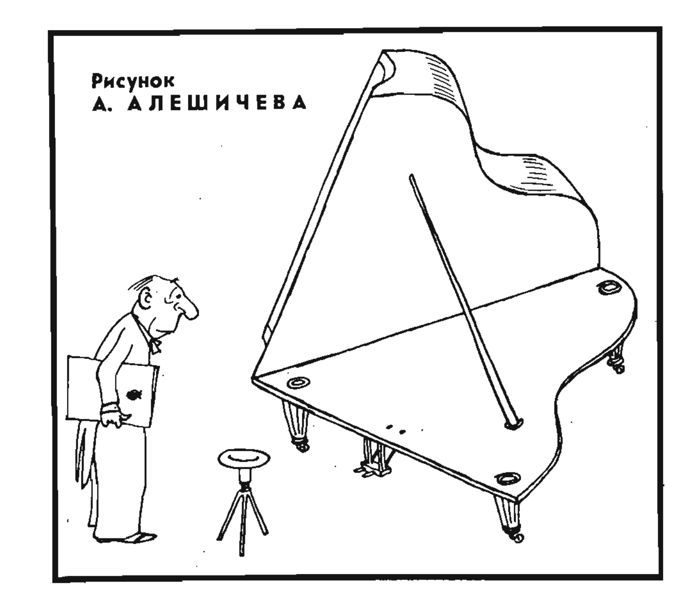

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

Рисунок Н. КАЛУГИНА

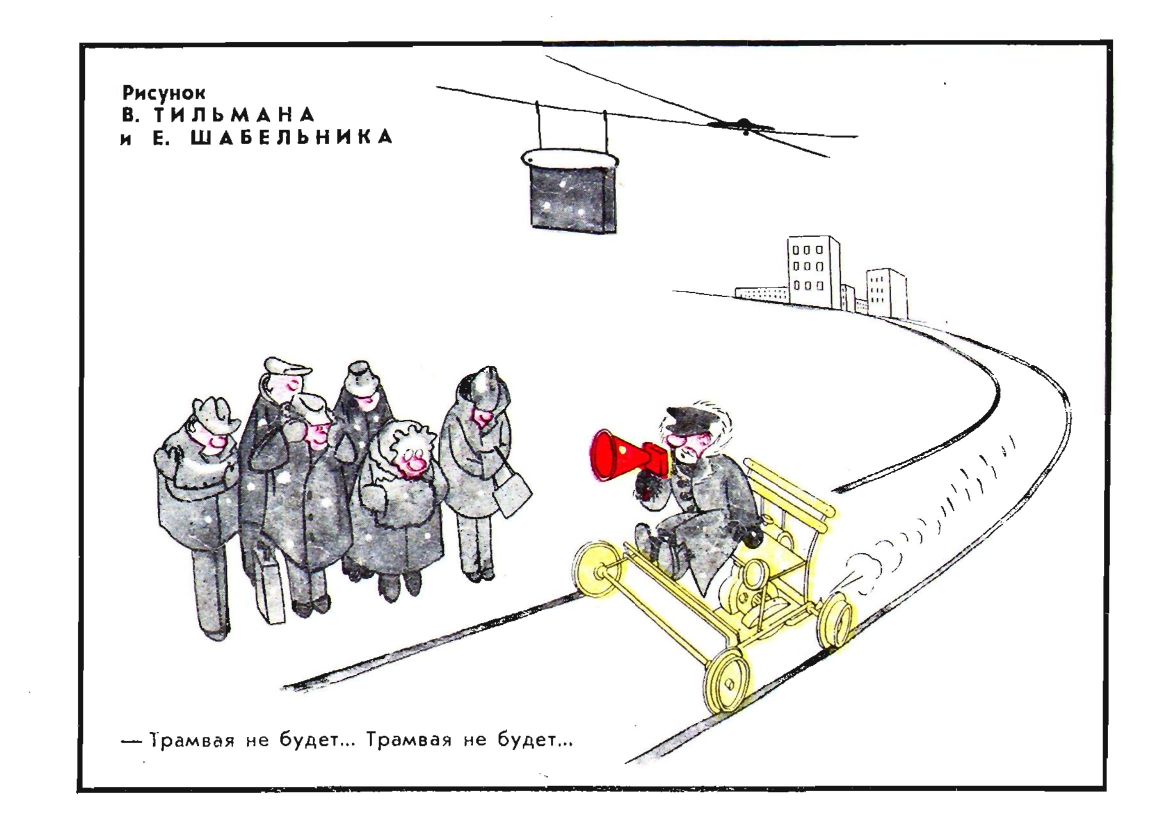

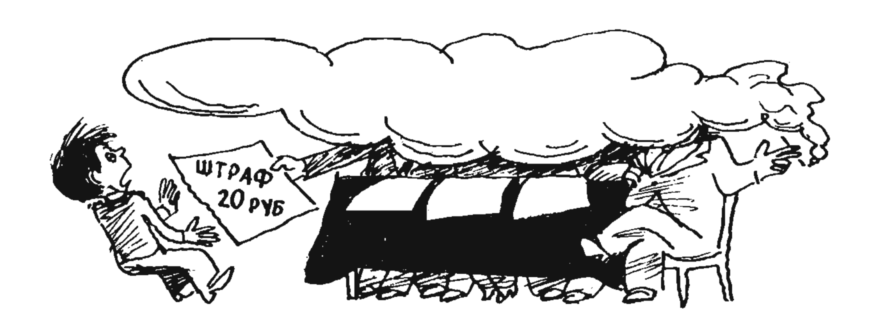
Рисунок В. ТИЛЬМАНА и Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Трамвая не будет... Трамвая не будет...

О. АРТЫНСКИЙ, специальный корреспондент Крокодила

ШТРАФНАЯ ПАНАЦЕЯ

— Подними руки выше! — ласково посоветовал подросток Бобылев незнакомому мальчишке.— Не щекотно?

— Нет,—испуганно прошептал тот, старательно вытягивая руки над головой.

— А вот и деньги,— укоризненно сказал Бобылев, подбрасывая на ладони двугривенный.— А говорил, нет денег. Теперь топай, мальчик, стыдно врать!

Рядом уличал во лжи другого мальчишку приятель Бобылева, подросток Соловьев. Когда мелкота спешно ретировалась, подростки соединили свою добычу, получив чистоганом тридцать пять копеек.

Однако прибыльно начатый день на большой дороге закончился плачевно. Молодых «джентльменов удачи» сопроводили в милицию. Там придирчиво разузнали у них о барышах и составили протокол. Вся документация, проштампованная и пронумерованная, была потом доставлена милицейским курьером в комиссию по делам несовершеннолетних при исполкоме Сафоновского горсовета.

В один из будних дней Бобылева и Соловьева потребовала комиссия. Девять пар глаз оценивающе обозрели подростков. Бобылев и Соловьев засмущались. Комиссия вздохнула.

— Ну-с, — пыхнула папиросным дымом председатель комиссии Ларченкова и грозно посмотрела сквозь сизый туман на оробевших подростков,— рассказывайте, как вы дошли до жизни такой...

Бобылев и Соловьев испуганно ждали, когда туман рассеется. Рассказывать им не хотелось.

— Молчат,— раздался шепот члена комиссии Беловой.— Оштрафовать их! Оштрафовать на двадцать рублей!

Секретарь комиссии Донченко сказала на это:

— Штрафовать так штрафовать, только постановление не велит.

Комиссия взяла тайм-аут, чтобы детально припомнить все пункты постановления «О дальнейшем ограничении штрафов, налагаемых в административном порядке». Однако поступок двух юных правонарушителей требовал определенных мер воздействия. Пораскинув умом, комиссия решила самоинициативно игнорировать постановление.

Подросткам торжественно вручили квитанции, а также указали дорогу к ближайшей сберегательной кассе. И пошли они, взглядами палимые, из горисполкома. Платить за свои антиобщественные поступки.

— Теперь не схулиганят. Запомнят, что почем!

Воодушевившись, члены комиссии призвали подростка Хотимова. По дороге от работы к дому он педантично обнимал каждый телеграфный столб. Лишь с помощью милиции он достиг отчего дома.

Процесс разбирательства был легок и скоротечен.

— Ну-с,— сосредоточенно считая кольца дыма, сказала председатель комиссии Ларченкова,— расскажи нам, как ты до такой жизни докатился.

— Я не катился, а шел,— гордо сказал Хотимов.

— Оштрафовать, оштрафовать! — шепотом потребовала член комиссии Белова.— На двадцать рублей.

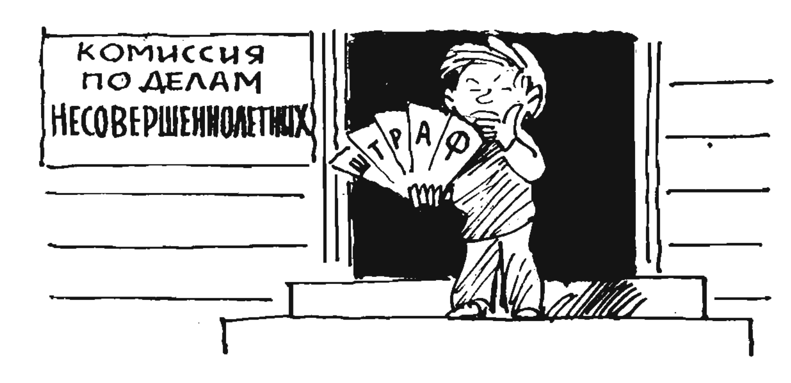
Секретарь комиссии Донченко на это ответила:

— Штрафовать так штрафовать, только постановление не велит.

Комиссия снова проигнорировала постановление.

— Вот тебе квитанция, а вон сберегательная касса.

Подросток Хотимов, оставленный всеми, шатаясь теперь уже от горя, направился домой.

Когда с Хотимовым покончили, комиссия радостно догадалась, что отыскала панацею от всех подростковых безобразий. Профилактическая работа, институт общественных воспитателей, семья и школа — все это ей показалось теперь ненужной сентиментальщиной.

А вот родительница Лодеженко сама решила просить общественность о помощи. Окрыленная Лодеженко, взяв за руку своего непутевого сына, переступила порог зала, где вершат правосудие. На нее не обратили внимания. Члены комиссии сосредоточенно смотрели на голубое облако над столом.

— Ну-с,— молвило облако,— рассказывай, как ты до...

—... такой жизни докатился? — холодея, докончила Лодеженко.

Об этой стереотипной фразе ей уже поведали в коридоре пострадавшие. Однако, на что-то надеясь, она попросила комиссию повлиять на сына.

— Значит, в карты играет? — спросили члены комиссии.

— Как меня нет, так дома просто Монте-Карло,— пояснила мамаша.

— Оштрафовать! Оштрафовать! На двадцать рублей!

— У меня ведь четверо! — взмолилась Лодеженко.— Я за помощью, а вы штраф.

— Ничего, небось, заработаешь,— наставительно сказали члены комиссии, выписывая квитанцию.— А сберкасса — вон она.

Воспитательный процесс продолжался...

г. Сафоново,
Смоленской области.

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Я забыл в трамвае бутылку коньяку, ее не приносили вам в милицию?
— Бутылку — нет, а человека, который ее нашел, принесли.

●

— Не понимаю, как ты за один день мог натворить столько глупостей?!
— А я встаю очень рано.

●

Смит подал в суд на Брауна за оскорбление. Судья сказал Брауну:
— Вы назвали свою собаку Смит и постоянно кричали ей: «Фу, Смит, фу, негодник!» Этим вы явно хотели оскорбить соседа.
— Вы ошибаетесь,— запротестовал Браун. — Я хотел оскорбить собаку.

●

Жена вернулась из гостей и рассказывает мужу:
— Вечер прошел прекрасно. Петровы попросили меня спеть, и я согласилась. Спела им романс.
— Правильно сделала,— одобрил муж.— Не выношу этих Петровых.

●

Давно женатый человек беседует со своим недавно женившимся другом.
— Вчера, когда я пришел домой,— рассказывает молодой муж,— жена захотела пойти в кино. Я страшно устал на работе и отказался.
— Ну, и какой фильм вы смотрели?

●

Школьников попросили помочь в распространении лотерейных билетов. Каждому дали по двадцать билетов. Ребята разошлись по домам. Один из них очень быстро вернулся и гордо заявил:
— Я все билеты продал! Все двадцать взяли в одной семье.
— Как тебе это удалось?
— А меня укусила их собака.

●

— Ты почему опоздал в школу?
— Я хотел пойти на рыбалку, но отец не разрешил.
— Твой отец правильно сделал. Он, наверное, объяснил тебе, почему ты должен идти в школу, а не ловить рыбу?
— Да, он сказал, что червяков мало и на двоих не хватит...

●

Встретились друзья детства, вспоминают школьные годы.
— А ты знаешь, что Петя стал литературным критиком?
— Ничего удивительного. Он еще в школе не любил литературу.

●

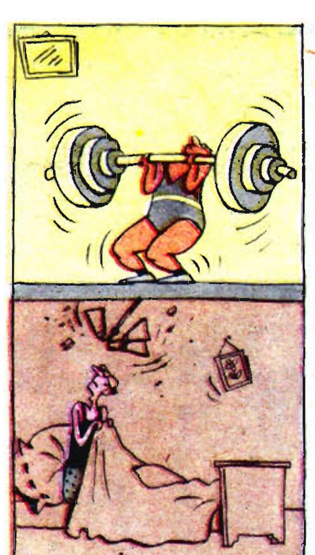
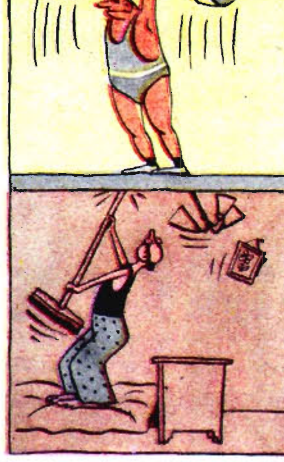
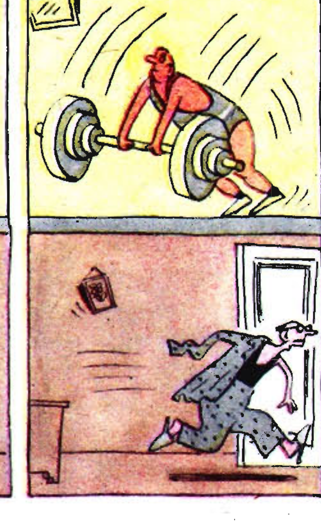
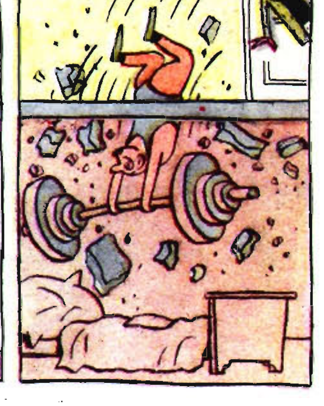

Рисунок В. ГОРБАЧЕВА

Леон РУБЕНОВ

ВАЖНАЯ ПТИЦА

Начальник станции Христо Наумов очень уважал одного в самом деле достойного человека — Христо Наумова, начальника станции. Не будучи верующим, он тем не менее исповедовал принцип «возлюби ближнего, как самого себя». «А кто же мне ближе, чем я сам?» — рассуждал Христо Наумов. Вот почему из двух комнат станционного помещения он выбрал себе ту, которая попросторнее. Там стояли письменный стол, несколько стульев, вешалка, керосиновая печь и другие вещи, необходимые для успешного руководства.

В другой комнатенке не то что человеку негде повернуться — иголке некуда упасть: обязательно в кого-нибудь воткнется. Тут размещались диспетчер Иванов, билетная кассирша, уборщица, а зимой еще и замнач по борьбе со снежными заносами.

Летом сфера деятельности начальника станции резко расширялась. Порою он даже покидал письменный стол и переходил на другое рабочее место — к притолоке, откуда открывался вид на перрон и железнодорожные пути.

Неосведомленный человек, взглянув на Наумова со стороны, сказал бы, что начальник станции — добродушный весельчак. Однако такое суждение было бы поверхностным. Действительно, иной раз, подпирая дверной косяк, Наумов вдруг оживлялся и даже весь трясся от смеха. Но кто бы из вас не засмеялся, глядя, как, задыхаясь и пыхтя, с тяжелыми чемоданами в руках опоздавшие пассажиры из последних сил пытаются догнать уходящий поезд?

Между тем в соседнюю комнату, где сидит в красной фуражке дежурный Иванов, начал регулярно наведываться важный тип, хорошо одетый, в выутюженных брюках, гладко выбритый. Заходит к Иванову, жмет ему руку, хлопает по плечу, и начинают они болтать, болтать... Черт его знает о чем!..

А Наумову, ох, как нужно было завязать дружбу с такой важной птицей, завести близких знакомых такого калибра: сколько же можно прозябать в должности начальника маленькой станции третьестепенного значения!..

Однажды, когда Иванов попрощался с гостем, Наумов подошел к дежурному и шепнул ему на ухо:

— Почему бы тебе не познакомить меня со своим приятелем? Пригласи твоего друга ко мне в кабинет. Посидели бы, потолковали... Хм, выпили бы...

И вот гость вместе с Ивановым в кабинете начальника. Наумов уселся за стол и налил в кофейные чашки сливовицу.

— Ну-с прошу, будем здоровы!..

Иванов проглотил свою сливовицу, крякнул и сразу исчез из кабинета.

Наумов долго молча разглядывал гостя и любовался им. «Какой костюм, какая рубашка!.. Вот с кем полезно подружиться!..» — думал он. А разговор с гостем все не завязывался. Наумов повертелся на стуле и решил — была не была! — взять быка за рога. Неожиданно он задал вопрос в упор:

— Извините, а где вы служите? Какой пост занимаете? Если это, конечно, не военная тайна!..

Гость охотно ответил:

— Стрелочник я, товарищ начальник. Ваш, так сказать, коллега по железнодорожному ведомству... На нашей станции работаю. После смены отдохну, переоденусь, ну и от нечего делать захожу иной раз к Иванову покалякать.

Долго еще после ухода гостя Наумов молча смотрел в одну точку...

Перевел с болгарского М. ГЕОРГИЕВ.

РУССКИЙ ВОДЕВИЛЬ

При слове «водевиль» на память приходит грибоедовский Репетилов с его сакраментальным: «Да! водевиль есть вещь, а прочее все гиль». Нынче ставится мало водевилей; видимо, все прочее считается вещью...

А ведь некогда не чурались водевилей такие славные деятели русского театра и литературы, как А. С. Грибоедов, П. А. Вяземский, Ф. А. Кони, Д. Т. Ленский, В. А. Соллогуб, П. А. Каратыгин, М. С. Щепкин, наконец, К. С. Станиславский.

Приятно напоминает об этих славных именах и спектаклях недавно вышедший в издательстве «Искусство» сборник «Русский водевиль». Читаешь и дивишься: сколько выдумки, изобретательности, неподдельного юмора таится в волшебной стихии водевиля! Многие пьесы даже и сегодня просятся на сцену. Впрочем, быть может, они хотя бы подтолкнут современных комедиографов на создание новых образцов этого озорного, веселого жанра?

СНАЧАЛА БЫЛ ФЕЛЬЕТОН

К чему лукавить — любой фельетонист испытывает немалую гордость, когда после его выступления в прессе появляется итоговая рубрика «Меры приняты». Не меньше радует и то, когда разговор, начатый газетным сатириком, заинтересованно поддерживает и продолжает читатель. Значит, не зря потрудился фельетонист.

Илья Шатуновский некоторое время назад напечатал в газете «Правда» фельетон «Трудящийся» тунеядец», в котором рассказал о неких «серепьких личностях», числящихся на определенных должностях, но, по существу, не делающих свое дело или делающих его из рук вон плохо. На фельетон пришло много откликов. Один читатель сообщил любопытные факты из жизни человека, который избрал себе девизом: «Где бы ни работать, лишь бы не работать!»; другой написал о руководящем бездельнике; третий поделился опытом борьбы с лодырями на производстве...

И тогда И. Шатуновский решил написать небольшую книжку (вышла она в издательстве «Советская Россия»), в которой привел эти отклики. И не только привел отклики, но и вместе с читателями развил тему, поведав еще о многих, увы, существующих разновидностях «трудящихся» тунеядцев». Вот как интересная книжка может родиться из одного только фельетона.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Самая красивая одежда — скромность человека».

(Плакат в магазине «Одежда»)

Прислал В. Панов, г. Каменск-Уральский.

«Я, возчик пряжи ткацкого производства № 2 Леонид Петрович Асташенков, 21 августа имел возраст 49 лет, в силу чего днем выпил вина, примерно 200 граммов. На работе в ночной смене появился в нетрезвом виде, что и проясняю».

(Из объяснительной записки)

«Мы, нижеподписавшиеся, прибыли на квартиру к отрывщице ткацкого производства № 2 Прасковье Антоновне Бубновой, которая добровольно предъявила выгнатый ею самогон в количестве четырех литров. Самогон был уничтожен способом выпивания».

(Из акта комиссии)

Собрала Л. Крещенская, г. Ярцево, Смоленской области.

«21 мая проспал на работу, когда проснулся, было половина 11-го и решил на работу не идти, все равно прогулял и лег спать. Проспал, в общем, и на второй день. Тоже не пошел, думаю, раз один день прогулял, так меня за это по головке не погладят, значит, можно и второй. Чтоб уж отвечать, так знать, за что.

Слесарь А. И. Леонов».

(Из объяснения)

Копию снял В. Юдин, г. Новотроицк.

«Товарищи родители!

Наступает Новый год. Наши дети будут рады новогодним подаркам. Платите членские взносы.

Профком».

(Объявление в лесопункте)

Прислал М. Придеин, Усть-Куломский район, Коми АССР.

26 октября 1970 г.
Магазин закрыт на обед
с 15^{00} до 17^{00} часов
ввиду профсоюзного собрания.
(администрация)

Прислал Л. Мамонтов, г. Пермь, Кировский р-н, магазин № 47.

Объявление
Всем женщинам
не состоящии в браке
в возрасте свыше 20 лет.
представить заявления
с резолюцией зам. директора
в бухгалтерию завода
Расчетный отдел

Прислал И. Иванов, г. Наманган. Трансформаторный завод.

ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ!
ПРОСИМ ОБЕСПЕЧИТЬ СОХРАННОСТЬ СТАКАНОВ у автоматов питьевой воды.
ВСЕ СДЕЛАНО ДЛЯ ВАС, НЕ НАРУШАЙТЕ ПИТЬЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО!

Прислал А. Серов, г. Иваново.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Товарищи жители 27/IX-70г. с 10 часов до 13 часов дня с Вас будет снято напряжение.

АДМИНИСТРАЦИЯ.

Прислал А. Сидоров, г. Ярославль, ЖКО завода «Резинотехника».

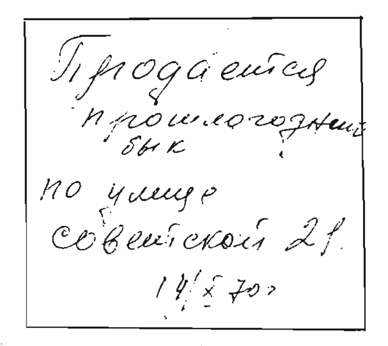

Прислал В. Корсаков, г. Пугачев.

Объявление!
Местный пляж временно
переносится на Бульвар
Свободы за Большими воротами
ввиду появления больших ям
в купающейся местности.
Администрация

Прислал С. Разуваев, г. Колпино.

Продается
прошлогодний
бык
по улице
Советской 21
14/X 70 г.

Прислали супруги Ивановы, пос. Спасск, Кемеровской области.

КРОКОДИЛ

№ 35 (1973)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Вайсборд, В. Горбачев (г. Киев), А. Грунин, В. Жаринов, А. Калугин, Г. и В. Караваевы, Г. Коровкин, Н. Лисогорский, А. Семенов, К. Невлер, А. Скотаренко, И. Сычев, Ю. Узбяков, А. Чикарьков.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Сдано в набор 2/XII 1970 г. А 00202. Подписано к печати 10/XII 1970 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 100 000 экз. (1 завод: 1—3 647 050). Изд. № 2268. Заказ № 3356.

■

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗООБОЗРЕНИЕ

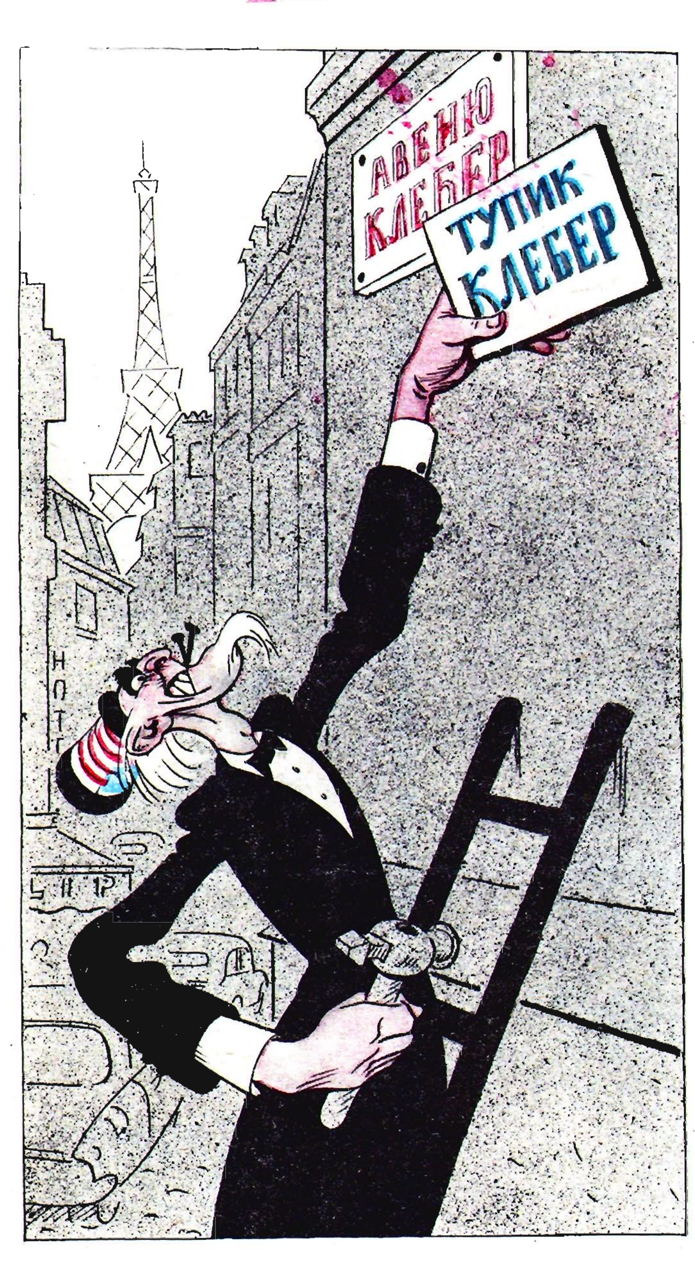
Нам представляется, что в последнее время западные пропагандисты страдают полным расстройством воображения. Журналистские утки с трудом взлетают с газетных и журнальных полос, чтобы тут же беспомощно плюхнуться на землю. Четыре рисунка, помещенных на этой полосе, подтверждают наш диагноз.

Американская пропаганда с усыпляющей монотонностью продолжает бубнить о «самостоятельности» сайгонского «правительства». Наш рисунок вносит в эти утверждения необходимые коррективы.

Весь мир знает, что банда оголтелых сионистов в Нью-Йорке под руководством Мейера Кахане пытается сорвать работу советских представителей в США. А вот нью-йоркские полицейские, судя по реляциям американской печати, по-прежнему уподобляются страусу: они опускают головы, выставляя вверх полицейские зады. Художник зафиксировал этот метод полицейского расследования.

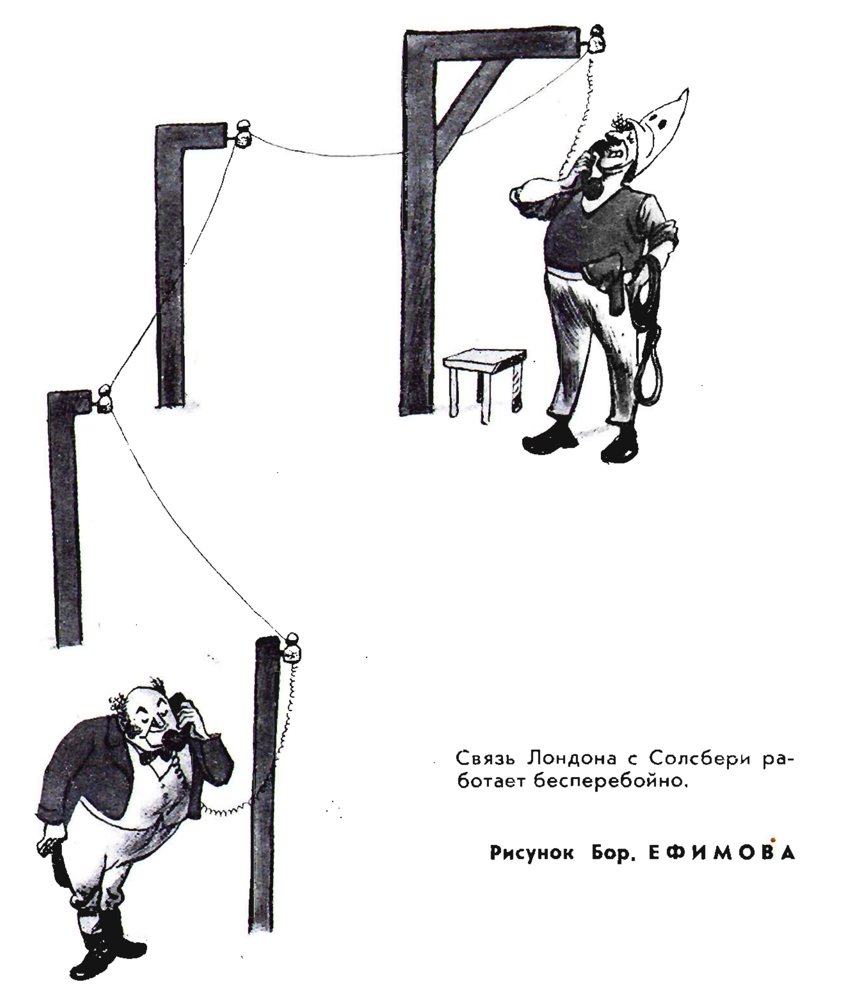
Время от времени американские дипломаты на переговорах по Вьетнаму в Париже с трудом разлепляют опухшие от сна глаза и бормочут что-то о своих «новых предложениях». Одно из таких предложений здесь наглядно изображено.

Английское правительство продолжает утверждать, что оно не имеет ничего общего с расистским режимом Смита в Родезии, а лишь «поддерживает связь» со столицей Родезии Солсбери. На рисунке показана сущность этой связи.

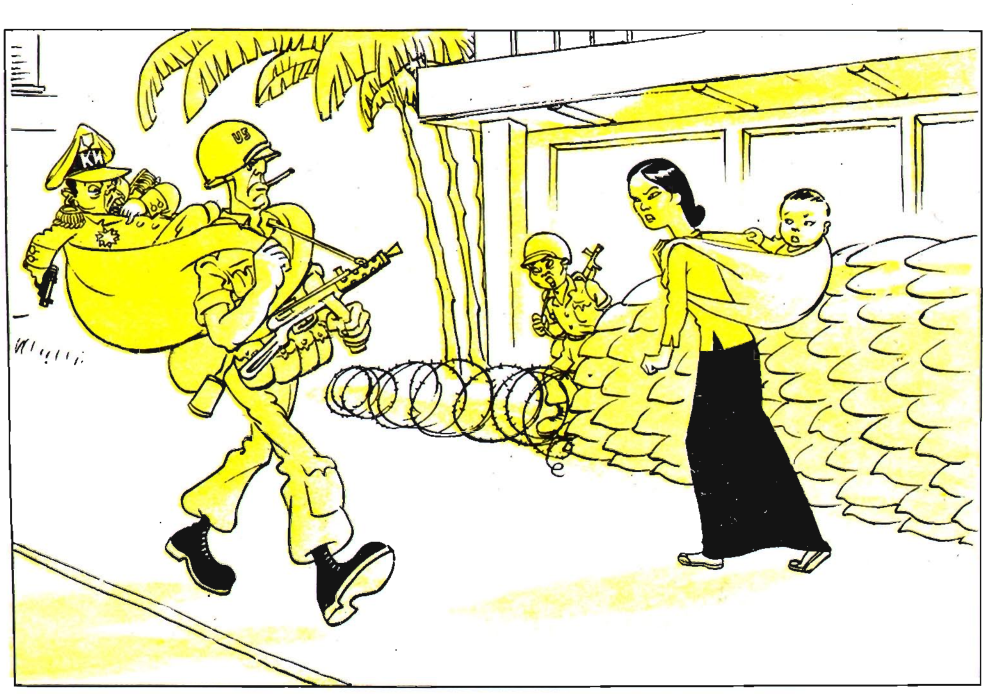
Новое американское предложение по Вьетнаму.

Рисунок А. КРЫЛОВА

Связь Лондона с Солсбери работает бесперебойно.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

На улицах Сайгона.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Учти, мы не видели, чьих рук это дело!

Рисунок Г. КОРОВКИНА